

ВИКТОР ВИКТОРОВ

A young man with dark hair, wearing a blue uniform with gold buttons and epaulettes, stands in a dark, ruined city. He holds a blue sword over his right shoulder. His right arm is glowing with a bright orange and yellow light, suggesting a superpower. The background shows destroyed buildings and debris.

АНДЕР

Виктор Викторов

Андер. Книга первая

«Автор»

2023

Викторов В. С.

Андер. Книга первая / В. С. Викторов — «Автор», 2023

Мир, где власть сосредоточена в руках аристократов. Мир, который неуловимо похож на мой, за одним исключением – здесь властвует Магия. Я умер в мире своём, но здесь обрёл шанс начать всё сначала. Единственный несовершеннолетний наследник Рода он Сворт, считавшийся психически нездоровым, вдруг становится нормальным, невольно запуская череду загадочных смертей и привлекая внимание тех, кого нужно было избегать всеми силами. И я не знаю, кто добьёт меня первым: Инквизиция или магический психоз, который выжжет мои мозги меньше, чем за месяц?

© Викторов В. С., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Виктор Викторов

Андер. Книга первая

Пролог

– Пошёл отсюда! Как вы уже достали, бомжары! На бухло вы всегда найдёте, а как хлеб – дайте в долг. Вали отсюда, пока я наряд не вызвала! Нечего здесь вонять мне, – визгливый голос из окошка заставил поморщиться.

Вздыхнув, я отошёл от круглосуточного ларька. Сегодня не везло: вместо Светланы на смене была Ленка, её сменщица. У этой в долг не то, что хлеба – спички горелой не допросишься.

И я же совершенно точно помню, что у меня оставался полтинник, как же так?

Подрагивающими от волнения руками, в очередной раз безрезультатно вывернул карманы, но искомой бумажки так и не обнаружил. Зато нашлась широкая дыра в прохудившемся, выдавшем лучшую жизнь, некогда тёплом пальто.

– Да чтоб тебя! – я разочарованно ругнулся, поняв благодаря чему сегодня буду ужинать пустым супом.

До супермаркета нужно было идти почти два квартала, да и не нужно было это уже. Денег, как оказалось, всё равно нет, ровно – как и знакомых в этом самом супермаркете.

Я не был бомжом, как презрительно назвала меня заносчивая Ленка с мозгами канарейки, даже не потрудившаяся узнать у своей сменщицы, почему та иногда даёт мне продукты в долг, когда я не дотягивал до скудной пенсии. Не знаю, кого она во мне увидела, но разубеждать её не стал. Бомж – и хрен с вами. Мне с ней детей не крестить.

Да и не было уже детей. Остались только внуки, которым нищий старик с его печальями, болячками и ветхой комнатой в коммуналке был абсолютно не нужен. Чай не столица.

До дома оставалось метров триста, когда подслеповатые глаза заметили несколько силуэтов.

– Э, мужик! – раздалось сбоку. – Стой, кому говорю.

Грудь сдавило холодными тисками. Чуть-чуть не дошёл...

– Парни, у меня нечего брать, – только и успел сказать я, когда сбоку прилетел удар, моментально меня дезориентировавший. И ведь знал, что прилетит именно отсюда, успел заметить по одной из фигур нападающих.

Голова мотнулась влево, но с ног не сбили. Хоть реакции давно никакой, но тело-то ещё помнит.

Только вряд ли из этого боя я выйду победителем.

– Э-э, ты что, в уши долбишься? – рыкнул тот же голос, а второй удар завершил начатое, всё-таки отправив меня на растрескавшийся асфальт, когда я попытался ударить, ориентируясь на голос.

С носа закапало.

– Ты чо, сука, махаться ещё собрался?

– Эдя, ты гонишь вообще? – испуганно спросил другой голос. – Это же дед, хрена он тебе сделает?

– Да мне плевать, хоть бабка!

После этих слов мне снова прилетело.

На этот раз, ногой, если верить ощущениям. Затем меня сноровисто обыскали. Естественно, ничего не нашли. Вряд ли они прельстятся старым носовым платком. Снова ударили, но вяло, больше по инерции.

– Глянь, ключи! – голос, бывший до этого испуганным, окрасился нотками паники. – Твою мать, Эдя, это не бомж! Валим отсюда, быстро!

– Да посмотри на него! Откуда у этого обсоса хата? И на ключи глянь. Потасканные, будто от сарая.

От удара, попавшего в «солнышко», я захрипел, пытаюсь вдохнуть в горевшие лёгкие глоток живительного кислорода. Схватившись за живот одной, второй рукой частично прикрыл голову.

– Ты где живёшь, урод?

Ну вы бы ещё раз меня ударили под дых, а потом снова спросили, идиоты малолетние.

Теперь понятно, что они от меня хотят. Это не «гопота», которая просто отнимет у тебя всё и спокойно удалится пить дальше, заложив в ближайшем ларьке твой телефон. А если сам отдашь, то и бить не станут.

Похоже, мне «повезло» нарваться на залётных, для которых дед Андрей был таким же неизвестным, как и все жители окрестных дворов. Эти не пограбить решили, а целенаправленно искали, на ком отработать молодецкую удадь.

Не сказать, чтобы все, но многие в этом районе меня знали, даже гуляющая ночами молодёжь. Так что, выходя сегодня за хлебом, я совершенно не опасался попасть в такую дикуую ситуацию.

Чёрт, думал же сходить пораньше, а оно вон как обернулось...

Когда в лицо посыпались удары, я со спокойной ясностью понял, что до своего дома я уже никогда не доберусь.

Не в этой жизни.

Жалко, что вот так – не забрав с собой никого. Перед старостью равны все.

* * *

«...На трупе надеты серые джинсы, подпоясанные чёрным ремнем с металлической пряжкой спереди.

На ногах – потёртые коричневые кожаные ботинки с резиновой подошвой. На носках ботинок сверху – множественные бурые округлые пятна размерами до 1*1 см, похожие на кровь. Подошва правого запачкана кровью.

Рубашка серого цвета пропитана частично подсохшей кровью.

Возраст: на вид 60-68 лет.

Правильного телосложения, кожные покровы бледные, в области грудной клетки найдена гематома.

Волосы седые, прямые, короткие. Лицо резко отёчное. Усы и борода гладко выбриты. Глаза закрыты...

Кости носа сломаны. Рот открыт...

Шея короткая, грудная клетка правильной формы, симметричная. Живот втянут...

На лопатке старая голубовато-синяя татуировка в виде летучей мыши. Надписи на татуировке отсутствуют.

Труп на ощупь тёплый, за исключением открытых участков лица и кистей рук...

...В окружности левого глаза кровоподтёк... Подкожные гематомы... Множественные ссадины на левой стороне лица...».

– Что думаешь, Лёша? Местные?

– Да вряд ли, – скучающе зевнул полноватый участковый. – Свой контингент я знаю. Некому просто. Нет, я проверю, но скорее всего – «висяк» это, – он сплюнул. – Будто нам геморроя мало.

– Дела... Вот так будешь идти в старости домой, огреют чем-то по башке и так же будешь валяться, как этот вот «жмур». Как там его?

– Чернов Андрей Семёнович. Знаю я его. Вернее, знал, – поправился участковый. – Безобидный был дедок, жил вон в том доме, – он указал на видневшееся здание.

– Ладно, Лёх, – прервал его дежурный эксперт. – Это всё хорошо, но я, пожалуй, поеду. Может удастся хоть часик покемарить. Сутки тяжёлые выдались.

– Ну да. А ты, Лёша, здесь разгребай, – проворчал участковый себе в усы. – Значит, не будешь дожидаться?

– Да ну, нет конечно! Что в морг без меня его не отвезут? Все равно вам ещё со свидетельницей возиться. Что я буду торчать здесь зря?

Врач уехал, а участковый, притоптав наполовину недокуренный бычок, не спеша направился к единственной свидетельнице – продавщице круглосуточного ларька, которая последней видела покойного Чернова живым.

Глава 1

Открыв глаза, я на несколько мгновений замер. Взгляд упёрся в высокий светлый потолок, слишком уж высокий для современных лечебных учреждений.

Первой мыслью, пришедшей в голову, была: «Это какая-то VIP-палата?».

Бред.

Кому я нужен, чтобы меня клали в подобном помещении? Старик, без денег, без связей. Крепко зажмурившись, прям до писка в ушах, снова открыл веки. Потолок и не думал пропадать.

Что происходит и где я? Выходит, врачи меня всё-таки откачали?

Медленно повернув голову, наткнулся на испуганный взгляд молодой девушки в простом сером платье, которая, увидев, что пациент очнулся, что-то невнятно пролепетала от неожиданности. Затем быстро вскочив, чуть не перевернув прикроватный столик, выбежала из комнаты.

За ней, видимо закрывшись, хлопнула дверь.

Осматривая помещение, в котором оказался, я всё больше и больше озадачивался.

То ли здесь было хорошее освещение, то ли лампы специальные, но, как ни странно, даже с моим плохим зрением, были хорошо видны мельчайшие детали обстановки комнаты, в которой находилась моя койка. Да и на койку это слабо походило. Вряд ли даже в таких палатах под больного, находящегося в бессознательном состоянии, стали бы класть перину.

Деревянный паркет, ровные стены, декорированные лепниной, дорогая мебель, даже на мой неискушённый взгляд... Это что угодно, но не лечебное учреждение. Да взять хотя бы даже тот стул, на котором сидела девушка...

Я попробовал приподняться на локтях и мне это легко удалось, хотя последние годы я мог вставать по утрам, только предварительно перевернувшись на бок. Странное ощущение, а в моём возрасте – очень непривычное.

Может мне вкололи наркотик, и поэтому боль не ощущается? Я прекрасно знаю, как себя должен ощущать человек, которого избили втроём, сломали рёбра, нос, а потом вырубили, просто забив ногами. На наших тренировках было и похуже. Совсем не так должен я себя чувствовать, даже, если учитывать действие обезболивающих препаратов.

Я только собирался ощупать нос, чтобы проверить, почему не чувствую наложенных на голову бинтов, когда мой взгляд упал на руку.

Это была рука ребёнка.

Я оцепенел, а мозг лихорадочно начал прокручивать различные варианты, один бредовее другого. И только усилием воли, я не позволил себе истерически расхохотаться от нервного напряжения, так и застыв с идиотским оскалом на лице.

Какого хрена здесь вообще происходит? Я брежу? Так, спокойно. Какая бы фигня со мной сейчас не происходила, всему всегда есть логическое объяснение. Нужно только больше данных для анализа.

Дверь снова хлопнула, а затем раздались уверенные шаги. Повернув голову, увидел мужчину, остановившегося возле моей кровати и пристально меня рассматривающего. Высокий, с чёрными волосами, зачёсанными назад и с серым пронзительным взглядом. Думаю, не ошибусь, предположив, что этот тип занимает здесь не последнее место – уж слишком уверенно себя ведёт. У обслуживающего персонала не бывает такого взгляда.

С полминуты мы молча изучали друг друга.

От него не укрылось то, с каким ошеломлением я пялился на свою конечность, когда он вошёл. Никак это не прокомментировав, он повернул голову к девушке:

– Энис, будь добра, оставь нас. И проследи, чтобы нас никто не беспокоил.

– Как будет угодно, господин барон, – сдержанно поклонившись, девушка покинула комнату.

«Барон? – лихорадочно пронеслось в мозгу. – Какой ещё к чертям барон? Это кличка? Нет, вряд ли. Перед кличкой не добавляют слово: "господин"».

Бросив мимолётный взгляд на стул, будто раздумывая: сесть или нет, мужчина, всё же, предпочёл остаться на ногах.

– Как себя чувствуешь? – обратился он уже ко мне, не сводя всё того же пронзительного взгляда, от которого я бы в молодости точно почувствовал себя неудобно. Но не сейчас. Сейчас меня, господин хороший, такими взглядами уже не испугаешь.

Голос уверенный, властный. Речь неспешная. Даже справившись о здоровье, будто приказал.

Спокойно выдержав взгляд, внутренне собрался и коротко ответил:

– Пока непонятно. Что со мной произошло?

Лучшая защита – это нападение. А мне сейчас нужна была информация. Любой ответ, который прозвучит не так, или не с той интонацией, способен меня выдать, если уже не выдал. Вон как просвечивает, будто рентгеном.

Разум уже частично подстроился и пока принял информацию: случилось что-то из ряда вон выходящее, что заставило ощутить себя в теле ребёнка. Может это сейчас галлюцинация, может вообще предсмертный бред, а может и допрос с применением гипноза. В любом случае, расслабляться не стоило. Потом я более детально смогу проанализировать, что со мной произошло. Если, конечно, настанет это «потом».

– Что ты помнишь, Этьен? – мужчина слегка усмехнулся.

Ага, так я и повёлся. Грубо. Очень грубо, господин хороший.

– Этьен? – натурально изумился я, сделав паузу.

– Ты не помнишь, как тебя зовут? – он насмешливо приподнял бровь.

Мозг лихорадочно заработал.

Было уже очевидно, что он знает: со мной что-то не так. Он это знает, и это уже промелькнуло в его глазах. Так что – лучшей линией поведения сейчас будет честность, раз этот непонятный тип не хочет давать мне необходимую информацию.

– Я не знаю, как меня зовут, – пришлось ответить мне. – Ничего не помню.

– Вот как? В твоём положении это – правильный ответ.

Я промолчал.

– Ты и не можешь ничего помнить, – припечатал он. – А вот кто именно ты, мы выясним позже.

Мне оставалось только кивнуть, показывая, что я всё понял и в «несознанку» играть не собираюсь.

– Хорошо. Как мне вас называть?

Мужчина слегка дёрнулся, но быстро вернул самообладание.

– Пока никак. Ты пока не можешь говорить. Травма, шок, что угодно. Понимаешь, о чём я?

– Вполне. Я пока не могу говорить.

– Отлично. Вздумаешь открыть рот – умрёшь. А впрочем... – сплетя пальцами в воздухе непонятный знак, который вдруг вспыхнув, заставив зажмуриться, он просто бросил его в меня.

Непонятный символ моментально растворился в груди, а я почувствовал, что не могу произнести ни слова. Я прекрасно понял, чему стал сейчас свидетелем, но даже у себя в голове пока не решался озвучить очевидное.

Внутри начало зарождаться давно позабытое чувство. Чувство, когда ты попадаешь в обстоятельства, где от тебя ничего не зависит. Чувство беспомощности, где одна ошибка может стоить жизни. Разумеется, смерти я не боялся, но и заигрываться в фатализм желания не было.

– Всё будет зависеть от нашего разговора, но – потом. Пока для всех – тебе нездоровится. Лежи, привыкай, осваивайся. Советую не делать глупостей.

Я попытался вернуть его презрительный взгляд, только в своей интерпретации, на что мужчина усмехнулся кончиками губ и направился к выходу, проигнорировав. У дверей он остановился и, полуобернувшись, произнёс:

– Тебя раньше звали Андер.

Дверь закрылась в четвёртый раз, а я обессиленно откинулся на мягкие подушки.

Непонятный и короткий диалог высосал из меня достаточно сил, чтобы через какое-то время я провалился в полудрёму.

Если следовать предварительным выводам, опасность мне пока не грозит, а вот силы и ясная голова мне скоро понадобятся.

* * *

Не знаю, сколько прошло времени, но по пробуждении увидел, что свет в «палате» (пока буду называть эту комнату так) приобрёл оранжевый оттенок. Дело к закату.

Немного полежал. Затем сделал попытку сесть в постели, что снова удалось легко.

Почему-то вспомнилось глупое: если тебе снится страшный сон, или тот который не нравится, просто нужно ещё раз заснуть во сне. Ещё можно совершить самоубийство, просто утонув, либо бросившись с какого-нибудь здания. Это тоже выход.

Но происходящее ни капли не было похоже на сон, в чём я тут же убедился, ущипнув себя за руку. Кожа на месте щипка слегка покраснела, так что с самоубийствами я всё же повременю. Во мне проснулось давно позабытое чувство азарта – тот самый период, когда занимаешься сбором информации, пытаюсь её структурировать, применяя все инструменты, которым тебя когда-то давно обучили.

Прошлую сиделку сейчас сменила пожилая дородная женщина, которая, уронив подбородок на грудь, тихо посапывала. Одета в такой же, как и у предыдущей форменный костюм, она наталкивала на мысль, что о дресс-коде в этом странном месте всё же знают.

Кто же вы: прислуга или санитары?

А я сам кто?

В качестве кого я здесь нахожусь?

Решив не будить женщину, принялся разглядывать тело, в котором оказался. Худошавое телосложение, не обременённое влиянием физкультуры, длинные тонкие пальцы на руках, бледная кожа, будто мне успели отворить кровь местные эскулапы, пока я спал.

Стараясь не производить шума, ощупал своё лицо. Нос, вроде, нормального размера, уши обычные. Там тоже всё было, вроде бы стандартно, на первый взгляд.

Подытожим: я нахожусь в теле подростка, в непонятном учреждении.

Меня то ли охраняют, то ли лечат, а скорее всего – одно другому не мешает. Ко мне приходил непонятный мужик, которого мои сиделки беспрекословно слушаются, а может и боятся, и вживил в моё тело непонятную хрень, из-за которой я потерял возможность разговаривать.

Предположительно, ему нужно, чтобы я какое-то время молчал. Вот только пока непонятно для чего: чтобы я не задавал вопросов, или же наоборот не сболтнул ничего лишнего?

Неясно. Пока предположим оба варианта, а там видно будет.

Ещё больше вопросов вызывает непонятная светящаяся хрень, которое попадала под категорию: «Магия и эзотерика». Понимаю, что из магического, в своей прошлой жизни я видел только «заряженные на добро» банки с водой напротив экранов ламповых телевизоров, но по-иному назвать противоречащее здравому смыслу явление просто не смог.

За неимением других данных – пока воспримем как разумеющееся. Магия, или волшебство, или то, что его заменяет, здесь имеет место быть. А вот на что опирается и по каким законам она работает – разберёмся позже.

Прислушавшись, констатировал, что других звуков, кроме сопения сиделки, я не слышу. Либо в палате хорошая звукоизоляция, либо в этом крыле было не так много подобных мне больных.

От неловкого движения кровать скрипнула деревом, и сиделка тотчас встрепелась.

– Господин, вы очнулись! Прошу прощения!

Вот, значит, как? Ещё один ответ получен. Помня, что речи меня лишили, я лишь сдержанно кивнул, внимательно её рассматривая.

Слегка полноватая женщина, лицо круглое, в глазах застыло непонятное выражение, будто она не понимает, радоваться или нет моему пробуждению.

Бросив взгляд на прикроватную тумбочку, обнаружил там графин с водой и изящный тонкий стакан, похожий на хрустальный. Совершенно точно помню, что его здесь не было.

Опершись на локоть и дотянувшись, я протянул руку, чтобы налить себе воды, но, неожиданно, поднял с графин с трудом, чуть не пролив содержимое. Лишь подхватившие руки тётки спасли посуду от немедленной кончины. Это я переоценил возможности детского тела.

– Да вы что, господин? – она запричитала, наливая в стакан воду и подавая мне. – Что же вы сами-то? Я же здесь, только скажите.

Судя по её ошарашенному лицу, только что я сделал что-то не то.

От попыток напоить меня из стакана, я решительно отказался. Требовательно протянув руку, взял неуверенно поданную посуду и осторожно сделал глоток.

Вода была ледяной, но потрясающе вкусной. У меня аж зубы свело. Даже не вспомню, когда пробовал такую. Стакан быстро опустел, а я жестом попросил добавки, выпив которую, поставил ёмкость на тумбочку.

Отбросив одеяло, попытался встать, на что сиделка моментально отреагировала:

– Вы что, господин? Вам нельзя вставать! Вы ещё слабы!

Тёплые, но сильные руки требовательно попытались уложить меня в кровать.

Ну уж нет!

Сжав детской ручкой её запястье, я медленно убрал ладони от себя. Сиделка вздрогнула и снова посмотрела на меня странным взглядом. Попыток помешать осуществить задуманное, она больше не предпринимала.

Осторожно, будто заново пробуя ходить, я опустил босые ноги на паркет и медленно поднялся с койки. Женщина напряжённо следила за мной, готовая мгновенно подхватить меня, но попыток заговорить больше не предпринимала.

Я вопросительно на неё взглянул и поднял подбородок, мысленно готовясь объяснить жестами, что мне нужно, но этого не понадобилось. Она правильно поняла и указала рукой на дверь, которой я до этого не заметил.

Видимо, этот мальчик, то есть теперь я, недолго провёл в постели, поскольку к указанному месту я прошёл хоть медленно, но вполне уверенно, что свидетельствовало о не успешных, даже частично, атрофироваться мышцах ног.

Пока справлял свои потребности в соседней комнате, внимательно осмотрелся. Ничего необычного – ванная, совмещённая с туалетом. Душевая, бронзовая, по цвету, ванна, шкаф, унитаз, стойка с полотенцами.

Вот только непонятно назначение странного устройства, похожего на железную полку, подвешенного на стене на высоте около двух метров.

Когда я подошёл поближе, чтобы внимательнее рассмотреть, от полки дохнуло тёплым воздухом, будто сверху включили несколько вентиляторов. Я дёрнулся от неожиданности и сделал шаг назад.

Поток тёплого воздуха тут же исчез.

Снова протянув руку, я уже знал, что устройство, оказавшееся ничем иным, как банальной сушилкой, сработает. Конечно, это мальчишество, но ещё с пяток раз я всё же протестировал невиданный девайс и только потом покинул ванную.

Как я и думал, сразу, почти вплотную у двери, обнаружилась сиделка. Показав знаком, что я дойду сам, двинулся к кровати.

– Господин, а почему вы молчите? – очень тихо спросила она. – Я что-то не так сделала? Скажите, что не так?

Я остановился и, повернувшись, посмотрел ей в глаза. Задумавшись, прикидывал, как сейчас показать жестами, что я не могу в данный момент говорить.

Несколько секунд зрительного контакта, и она сделала то, чего я вообще не ожидал.

Она просто хлопнулась в обморок.

Глава 2

– Что ты с ней сделал? – резко спросил мужчина. – Отвечай! – он вспомнил, досадливо поморщился, а после чего щёлкнул пальцами, и ко мне вернулась возможность говорить.

– Абсолютно ничего, – ответил я, прокашлявшись. – Я её пальцем не тронул.

– Тогда как ты объяснишь это? – от него ощутимо повеяло угрозой.

Нужно сказать, что не прошло и двух минут после обморока сиделки, как мужчина, который со мной до этого говорил, чуть ли не ворвался в палату. И что-то мне подсказывало: он ожидал здесь увидеть уже, как минимум, расчленённый труп, но – не то, что я буду направляться со стаканом воды к распростёртому на полу телу, чтобы привести женщину в чувство.

– Я вышел из уборной, а она предприняла несколько попыток заговорить со мной. Естественно, я не стал отвечать, – если лёгким поклоном можно выразить сарказм, густо замешанный на насмешке, будьте уверены – я это сделал. – Результат вы можете наблюдать сами, отец, – выделил я обращение, отслеживая реакцию.

Мужчина только сощурил глаза, совершенно не дёрнувшись.

Вот это самообладание. Его уже только за это стоило немного зауважать. Немного.

– Она тебе сказала? – он так посмотрел на сиделку, что стало понятно – в этом доме болтливость крайне не приветствуется.

Как я узнал, что это дом?

Да очень просто.

Если бы это было медицинское учреждение, то возле дверей обязательно выставили бы охрану. А так, как у меня наличествовала только сиделка в количестве одной «штуки» – значит охрана всё же была, но не в комнате, а в соседнем помещении, или где-то по периметру. Оцеплять клинику с таким размером палат слишком накладно, как по мне. Да и то, что ограничили сиделкой, говорило много о моём текущем положении.

Никто бы не стал в госпитале, даже в самом привилегированном, держать своего отпрыска, не имея возможности его постоянного контроля. Особенно, если последнему нужно молчать о чём-то. Для этого – требуется постоянно находиться рядом с ним.

Это – явно не больничка.

Проще было сразу ввести меня в курс дела и решить, что со мной делать, а не откладывать разговор. Значит его ресурсы и время позволяют так поступать.

Да и что-то мне подсказывает, что произошедшее – не рядовое событие, которое подлежит огласке. Иначе, рот бы мне не запечатывали.

– Нет. Это мне подсказало зеркало в ванной комнате. Не учли?

Он досадливо поморщился, всё моментально поняв.

– Неплохо. Вижу, ты уже освоился? – а вот теперь мужчина продемонстрировал лёгкий интерес. – Как самочувствие? Голова не кружится?

– Спасибо, всё просто прекрасно. Только есть одно маленькое «но».

– Какое же? – мужчина внимательно наблюдал за мной, будто ожидая подвоха.

– Мне бы перекусить чего-нибудь. Это можно устроить?

– С ужином мы немного повременим. Так нужно. А пока прими подобающий вид. Твою одежду скоро принесут.

Сразу после его ухода ко мне зашла уже новая служанка, которая принесла одежду и обувь. Интересно, насколько здесь большой штат прислуги?

– Господин ожидает вас в своём кабинете, – прошептало это белокурое создание, а я невольно залюбовался. – Вам помочь?

– Не стоит. Я справлюсь сам, – подхватив с кровати одежду, направился в ванную комнату.

Для себя отметил слегка удивлённый взгляд служанки и понял, что снова вылез из общепринятых шаблонов, но уже корректировать свои действия не стал.

Интересно, то, что меня не стали повторно «затыкать», это оплошность или проверка? Подозреваю, что последнее.

Одежда была удобна. Что-то среднее между классическим и... спортивным костюмами. Выглядело строго, но движений совершенно не стесняло, при этом не выглядя мешковато. Тёмный цвет, довольно приятная на ощупь ткань...

В качестве обуви предлагались удобные мокасины из мягкой кожи, почти не чувствовавшиеся на ногах, но имеющие толстую гибкую подошву. Отличная обувь. Посмотрев в зеркало, я пригладил волосы, сделав пометку постричься по-другому. Опять же, если представится возможность, а на плечах останется эта самая голова, нуждающаяся в стрижке.

А сейчас – предстоит тяжёлый разговор с отцом того, в чьём теле я оказался.

В кабинете, куда меня проводили, кроме мужчины никого не было.

Переступив порог, я услышал, как за мной закрылась дверь и с интересом огляделся. Мужчина продолжал буравить меня взглядом, но не спешил ничего говорить, позволяя мне освоиться в новой для себя обстановке.

Попал я точно не в средневековье, что заподозрил ещё когда увидел ванную комнату, а сейчас – получил этому окончательное подтверждение. Вон та штука на рабочем столе – явно экран. Может компьютер, может телевизор, но явно что-то показывающая.

На полу кабинета – мягкий ковёр с длинным ворсом, занимающий почти всю площадь. Шкафы с книгами, стулья, массивный комод.

Посмотрев на потолок, увидел огромную люстру, но проводов не заметил. О скрытой проводке и электричестве здесь знают.

– Проходи, присаживайся, – показал мужчина на кресло по другую сторону стола.

Закрыв папку, которая лежала перед ним, он отложил её в сторону. Я успел заметить написанные от руки листы, но вот разобрать не смог. Слишком мелкий почерк.

– Итак, давай знакомиться заново. Меня зовут Норт он Сворт.

Что ни говори, а взгляд у него всё-таки тяжёлый.

– Андер, – не стал разочаровывать я его. – Андер... он Сворт.

– Верно, – Норт он Сворт кивнул. – Кем бы ты ни был там – это уже не имеет значения. Здесь у тебя другое имя, другая жизнь и другие обязанности.

– Обязанности? – изогнул я бровь. – Вот прям уже обязанности?

«Посмотрим, как ты отреагируешь на это!».

– Если в тебе есть хоть капля воспитания, ты не станешь меня больше перебивать, – глаза Норта опасно сузились, но он продолжил. – Я, надеюсь, не нужно говорить, что этот разговор должен остаться между нами?

– По-моему, у вас хорошо до этого получалось закрывать мне рот, – не смог промолчать я. – Но, да! Этот разговор останется между нами. Так уж получилось, что вы второй человек, который со мной разговаривает.

– Второй? – вскинулся он.

– Сиделка, – улыбнулся я. – Первой была сиделка.

Я уверен, что Норт прекрасно понял, что я его снова поддел, но он, что удивительно, никак не отреагировал. Делаю предварительный вывод, что ко мне не будут, или пока не хотят применять жёсткие методы донесения информации. Значит, будут договариваться сначала полюбовно. Ну что, же – послушаем.

– Ты не можешь молчать постоянно, – скривился он. – И в то же время, я должен быть уверен, что ты не сболтнёшь лишнего.

– Кому я не должен сболтнуть лишнего, и что подходит под эту категорию?

– Меня радует, что ты образован, – отметил Норт, не спеша отвечать. – Ты дворянин... был?

– Нет, но образование у меня действительно хорошее. Разное, скажем так, образование. Вот только боюсь, что здесь оно будет практически бесполезным или иметь слишком узкий диапазон применения, – сейчас я сознательно принижал свои способности, и это должно было подкупать собеседника. Обычно, люди стараются сразу подчеркнуть свою значимость, чтобы обрести какие-то гарантии, что останутся живы.

– Почему ты так считаешь? – с интересом спросил он.

– Я пока не буду отвечать на этот вопрос, – сдержанно улыбнулся я. – Это лишь предположение, могущее оказаться ошибочным.

Казалось, Норт ушёл в себя, задумавшись.

– Сколько тебе было лет? – признать, его вопрос вызвал лёгкий ступор.

Ну, правда. Вот он я: сижу на кресле и спокойно рассуждаю неизвестно где и неизвестно с кем, в каком возрасте я – прежний умер. Абсурдность ситуации вызвала лёгкую улыбку.

– Двадцать четыре. Двадцать четыре и одиннадцать месяцев, если быть точным, – не моргнув глазом соврал я.

– Уже хорошо, – Норт кивнул. – Это меняет многое. Будет намного проще.

– Проще договориться со мной?

– И это тоже.

Я внутренне собрался, решив задать вопрос в лоб:

– Что вы от меня хотите?

Норт оценивающе меня оглядел, и мне очень не понравился его взгляд. Так смотрят на лошадь, которую уже купили, даже если в зубы не заглянули.

– Это довольно сложный вопрос, – начал он, но я снова его перебил.

– Давайте с вами сыграем в игру, которая упростит наше общение. Суть игры заключается в следующем: я задаю вопрос, вы – отвечаете наиболее полно, получая право задать вопрос мне, на который я обязан так же честно и исчерпывающе ответить.

Я предположил, что сейчас мне и это сойдёт с рук. Я добился чего хотел – заинтересовал его. И мои предположения оправдались.

– А как ты узнаешь, правдив ответ или нет? – прищурился Норт.

– Какой смысл мне или вам врать? – радушно улыбнулся я. – Идёт?

– Хорошо, – откинулся он в кресле. – Вот только мы поступим немного иначе.

Выдвинув ящик стола, он вытащил из него невзрачный браслет и бросил мне. – Надевай.

– Это часы?

– В принципе, и они тоже. Надевай говорю. Лучше на правую руку.

Мне ничего не оставалось, как подчиниться. Что-то мне подсказывало: если я это не надену добровольно, Норт сделает это насильно, но мне явно не понравится.

Вопреки опасениям, никаких неприятных ощущений не возникло. Браслет слегка завибрировал, а там, где у часов должен находиться циферблат, несколько раз мигнуло. Через несколько мгновений я с изумлением понял, что огонёк подстроился под мой сердечный ритм и ненавязчиво начал мерцать в унисон.

– На правах «гостя» предоставляю тебе возможность задать вопрос первым. Думаю, в твоём положении, это будет справедливо.

– Благодарю, – я слегка поклонился. – Как я здесь оказался и главное – где?

– Это два вопроса, юноша. И, будь добр, оставь *солтер* в покое. Представь, что это коммуникатор.

Запомнив неизвестные слова, я ответил:

– Согласен, что два, но первый обязательно вытянет за собой и второй, так что их можно смело объединить в один. А вообще, как вам будет угодно.

– А у тебя есть хватка, – то ли похвалил, то ли осудил Норт. – Хорошо. Итак, в данный момент ты находишься в родовом поместье он Свортов...

К тому, что он мне рассказал, я был не готов. Да, я был готов услышать какую-нибудь фантастическую историю, но всё равно – услышанное меня немного выбило из колеи. Одно дело – предполагать и строить догадки, совсем другое – знать и получить подтверждение самым безумным из них.

Мир, в котором я оказался, был отдалённо похож на привычную мне Землю. Как выяснилось далее, название Земля – Норту ни о чём не говорило, как и перечисленные мной планеты Солнечной системы.

Здесь знали, что такое телефоны, автомобили, самолёты, банки, инфраструктура, но в то же время выяснилось, что у них до сих пор сохранилось что-то похожее на феодальный строй. Нет, как такового притеснения низших слоёв населения не было, но вот чёткое разделение на касты и сословия присутствовало.

Своим переселением в тело его сына я был «обязан» именно ему. Как я понял, он провёл некий ритуал, позволивший притянуть первую попавшуюся душу, которая оказалась отторжена. На просьбу о подробностях ритуала, он среагировал непроницаемой стеной, приказав вообще забыть это. Я понял, что здесь что-то нечисто.

Он же спрашивал меня больше о том, какими знаниями я обладаю, что умею, где учился и чему, периодически посматривая на моё правое запястье. Вопросы были грамотные. Я понял, что ему нужно понимать, что я из себя представляю, поэтому свои ответы корректировал в сторону профессиональных навыков, которыми обладал в той жизни.

За это время «показания» солтера его не насторожили, хотя я намеренно соврал ему несколько раз. Значит, прибор либо не действует на меня, либо частота сердцебиения у меня остаётся прежней.

– Когда умерла его мать, мой сын замкнулся в себе. С ним работали лучшие целители, но так и не добились результата.

– И вы решили переместить в его тело меня? Для чего? Чтобы знать, что в оболочке вашего сына существует совершенно другая личность? – для меня это было настолько дико, что я даже не старался подбирать слова, чтобы не задеть его чувств.

– Прежде, чем судить меня, на минуточку представь, что твой наследник, в которого ты вкладывал знания, дарил любовь, вдруг замыкается в себе, а потом просто тихо сходит с ума. И ему никто, – зашипел Норт, – никто не хочет помочь! Хотя могли бы!

– У вас не существует способа излечения таких больных? – задал я вопрос, чтобы подкорректировать ход беседы.

Одновременно я сделал в голове заметку: узнать, почему ребёнку могли помочь, но не захотели, по словам Норты.

– Если бы это был ребёнок Правящего рода, с ним бы уже работали лучшие специалисты. Но мой род, увы, не Правящий.

Спрашивать его на тему: всё ли он испробовал для того, чтобы поставить сына на ноги, я, естественно, не стал. И так понятно, что вариант с подселением сознания был последним вариантом.

– И что вы хотите от меня? Чтобы я стал вашим сыном?

На миг в его глазах промелькнуло такое бешенство, а я понял, что последняя фраза была сказана зря.

– Моего сына уже не вернуть! И никто, слышишь, никто не сможет заменить моего мальчика, а тем более стать им! – он выпрямился и вышел из-за стола. – Мне не нужен сын! Мне

нужен наследник, Андер. Тот, кто сохранит наследие, сумеет защитить и не даст угаснуть нашему роду.

– И как вы себе это представляете? Наверняка в поместье куча людей, которые видели Андера в прежнем состоянии. А потом он вдруг излечился?

– Насчёт этого можешь не беспокоиться. В поместье кроме меня, прислуги с охраной и твоих сестёр больше никого пока нет. Сёстры ещё малы, так что проблем не возникнет. А для прислуги заготовлено логическое объяснение. Естественно, спрашивать напрямую у тебя, или у меня, никто не посмеет, но слухи, которые пойдут, можно будет подкорректировать в нужную сторону.

– Хорошо, с этим понятно, – продолжал раскладывать я по полочкам информацию. – А как вы объясните мою потерю памяти? Я же не знаю ничего, что положено знать вашему наследнику.

– А кто сказал, что ты её потерял? – удивился Норт, потянувшись ко мне через стол, он прикоснулся к солтеру на моём запястье.

В следующее мгновение, лампы в люстре кабинета мигнули, а моё тело скрутил спазм всепоглощающей боли. Будто током ударило. Кажется, я дико орал.

– Знаешь, юноша... Солтер – это уникальнейшая разработка. Да, бывали случаи, когда его обходили, но для этого нужна специальная подготовка, которой у тебя просто не может быть, – по голосу было понятно, что Норт улыбается. – Поэтому, ты сам меня вынудил. Придётся спрашивать по-другому.

Новая вспышка боли бросила меня на пол.

* * *

В себя приходил медленно. Боль словно не хотела выпускать меня из своих когтистых лап, периодически вонзаясь в мозг, будто раскалёнными спицами.

Попытавшись пошевелиться, с нарастающей паникой понял, что нахожусь я вовсе не в кабинете, не у себя в палате, хоть и в кресле, а в каком-то неизвестном помещении. Несмотря на комфортную температуру, здесь было сыро и пахло как-то знакомо, из чего я сделал вывод: помещение подвальное. Именно это было первой ассоциацией, как только я принял.

Руки и ноги, надёжно зафиксированные широкими кожаными ремнями, полностью исключали возможность двигаться. Кресло, смахивающее на стоматологическое, только массивнее, держало своего «пациента» надёжно.

Рванувшись несколько раз, убедился, что никакого эффекта, кроме больно впившихся в локтевые сгибы и коленные суставы лямок, это действие не дало. Повернув голову, заметил спокойно стоящего рядом Норта и наблюдавшего за моими действиями.

– Какого хрена ты творишь? – отбросив всякую вежливость, прошипел я. – Что я не так сделал?

– Ты мне соврал, – последовал ответ. – Как минимум шесть раз. И я бы очень попросил тебя выбирать выражения.

– А я тебя вообще просил меня выдёргивать сюда? Ты меня спросил, хочу ли я попасть в другой мир? Я бы и у себя жил спокойно, без твоих вот этих идиотских тестов и вопросов.

– И снова ты мне соврал, – губы Норта тронула печальная улыбка. – В своём мире ты умер. Окончательно умер. И без твоего желания скорой кончины, ты бы здесь не оказался. Так что не утруждай себя выдумыванием той счастливой жизни, в которой бы ты и дальше жил, если бы не мой ритуал.

– Да что ты вообще знаешь о моей жизни?

– Если ты помнишь, подробности о ней я и пытался узнать. Но ты решил, что мне можно скормить ложь, а я этого не замечу.

– Что ты собираешься делать со мной? Пытать?

В его глазах промелькнуло удивление.

– Знаешь, родился ты здесь, я бы счёл это оскорблением, – Норт он Сворт задумался. – Сравнить родового аристократа с тюремщиком... Более гарантированный способ занять врага нужно ещё попытаться придумать.

– Тогда зачем ты меня пристегнул к этому креслу?

– Видишь ли... Ты сказал, что у тебя нет знаний о реалиях этого мира. А если я тебе скажу, что я дам тебе их?

Тон, которым он это произнёс, мне очень не понравился. На язык просилось закономерное: «но», которое я и озвучил.

– В чём подвох?

– В обычных условиях – это совершенно безопасная. Но в твоём случае всё немного сложнее... – он замолчал.

– А давай ты не будешь здесь замирать в МХАТ-овских паузах, а коротко и внятно объяснишь мне всё? – вспылил я.

– В каких паузах, прости? – удивился Норт.

– Неважно. В чём риск именно в нашем случае?

– Я уже говорил, что мой сын в последнее время был нездоров, поэтому слепок его памяти, который я хочу передать тебе, был сделан недавно... Понимаешь?

Он как-то виновато посмотрел на меня, а я всё больше впал в растерянность. Не понимая, что такое слепок памяти, тем ни менее я уже нутром чувствовал, что в его последних словах кроется опасность для меня.

– Стоп! «Слепок памяти». Это какая-то запись воспоминаний? Я правильно понимаю?

– Ну если говорить проще, то – да. Только не запись, а полная копия всего, что Андер когда-то слышал, видел и ощущал до того момента, пока в его теле не появился ты.

– И как нужно смотреть этот слепок?

Норт он Сворт молчал, а до меня постепенно начало доходить, что именно он собирается сделать.

– Не хочу! – рванул я ремни я в очередной попытке. – Освободи меня сейчас же!

– Не могу, – с сожалением развёл руками он Сворт. – Ты должен.

– Я тебе ничего не должен, упырь! – заорал я. – Отпусти меня сейчас же. Я буду кричать!

– Сколько угодно. Эта комната накрыта «Пологом молчания», так что даже, если здесь произойдёт взрыв от разбалансировки магических потоков или прорыв из Преисподней, всё равно никто ничего не услышит. Ты меня дослушаешь?

– Я не хочу тебя слушать и участвовать во всём этом! Освободи меня немедленно!

– Хорошо, я тебя освобожу! Только позволь обрисовать твоё дальнейшее будущее. А после этого я тебя отпускаю, и иди куда пожелаешь. Устраивает?

Прожигать его ненавидящим взглядом – единственное, что мне оставалось в этой ситуации. Видя, что я молчу, он Сворт начал говорить.

– Вариант первый. Ты отказываешься, и через несколько часов я сообщаю, что мой единственный наследник скоропостижно скончался. Я не оставляю угрозу в твоём лице за своей спиной. Вариант второй: ты соглашаешься на слияние со слепком, получаешь доступ ко всем воспоминаниям, а потом принимаешь решение – нужно ли тебе это или нет.

– Да мне в любом случае это не нужно! – взъярился я. – Как ты не можешь понять, что ты мне чужой, как и весь этот грёбанный мир! Да, я хотел бы прожить новую жизнь, но неужели нельзя по-другому договориться? Нанять учителей, списать на потерю памяти в конце концов? Обязательно мне в голову пихать личность твоего сумасшедшего сына?

– Ты не до конца понимаешь, зачем я это делаю. Всё дело в том, что у Андера был дар.

– Дар чего?

Норт сделал щелчок пальцами, и я увидел, как на его ладони заплясал воздушный смерчик, постепенно удлиняясь, пока не достигнул примерно полуметровой высоты.

– Всё дело в том, что, если мы не попытаемся, и я тебя отпущу, рано или поздно тебя убьют.

– За что?

– Не за что, а для чего! Тебя убьют только за то, что ты слаб. А когда выяснится, что у тебя отсутствует дар – ты не проживёшь и получаса, – и видя, что я открываю рот, чтобы снова задать вопрос, он добавил, – Вот для этого я и настаиваю на слиянии. Твой разум достаточно силен для того, чтобы не раствориться в личности моего сына, сошедшего с ума. Я уверен, ты справишься. Но те возможности, которые ты обретёшь, будут хоть какой-то, но гарантией твоего выживания в дальнейшем.

– А вот у меня нет уверенности, что всё пройдёт нормально.

– Верю, – Норт он Сворт подошёл к стоящему у стены comodу. – Но у тебя и выбора нет, как видишь, – он достал из него шкатулку и приблизился с ней к изголовью кресла.

– И всё-таки, я вынужден отказаться от столь заманчивого предложения, – после недолгих раздумий решил я. – В моей голове, кроме меня, мне больше никто не нужен.

– Очень жаль, – притворно вздохнул он Сворт. – Я так и предполагал. Ты просто не оставил мне выбора.

Почувствовав, как мои виски больно сжало, я дёрнулся, но безрезультатно – на голову было водружено что-то похожее по ощущениям на металлический обруч, который при соприкосновении сжался, плотно охватив лоб и виски, чуть выше удерживающей голову кожаной полосы.

Сзади щёлкнуло, что-то похожее на застёжки, и я почувствовал, что моя шея онемела, будто вкололи анестезию.

– А теперь придётся немного потерпеть, – в его руках появился прозрачный заострённый прут из странного материала, похожего на стекло, и у меня внутри похолодело.

Сплета пальцы в знакомый знак, Норт снова лишил меня речи, а затем аккуратно расстегнув мне рубашку, без предупреждения вогнал этот штырь мне в солнечное сплетение.

Тело выгнуло дугой, а затем я почувствовал, что в груди зародилась сверхновая и полностью выжгла меня изнутри.

Вы не знаете, что такое боль!

Когда в условиях полевого допроса тебе загоняют под ногти зубочистки, ломают пальцы или просто банально бьют, вы и понятия не имеете, что такое боль настоящая.

Когда твоя кровь резко вскипает чтобы превратиться в бурую пыль и уже в таком состоянии двинуться огнём по венам..., когда глазные яблоки лопаются от жара, а ты, чувствуя всё это даже не можешь пошевелить головой..., когда тебе остаётся только молиться, чтобы твоё сердце остановилось, прекратив мучения слабого тела и обезумевшего рассудка..., когда ты не можешь даже закричать, чтобы выплеснуть всё, что в тебе разверзлось... – вот, что значит боль.

Проклятый штырь раскалился настолько, что в полутёмном помещении появилось новое солнце, опаляющее и ослепляющее. Рассудок заволокло красным, а потом всё потонуло во вспышке взрыва, и мои мучения прекратились.

Глава 3

Для чего мы живём?

Реакция на столь заезженный вопрос, до сих пор остающийся открытым, всегда разная. Вряд ли кто-то ответит вам: Мы живём для того, чтоб завтра сдохнуть!

Так бывает только в песнях, где фатализм добавляется, как щепотка пикантной приправы. Как маленькое, но важное дополнение, превращающее сытую жизнь во что-то опасное. Только опасное для других. Тех, кто вам верит. Ты то прекрасно понимаешь, что набор страшных слов – это, как имидж, как стиль жизни, как прямоугольная картонная визитка, на которой может быть написано всё, что угодно. Просто ширма.

Я знал, для чего жил там. Были чёткие приоритеты, цели, принципы, куда же без них. Сейчас же ситуация, мягко говоря, неоднозначна потому, что я пока не понимал, для чего мне жить здесь. И как?

То, что я обрёл призрачный шанс прожить ещё полсотни лет, в которых могу учесть ошибки уже прожитых, ещё не до конца уложилось в голове. Эдакое состояние морального «грогги».

Но то, что я теперь знал – в корне меняло ситуацию. Я жив, пока буду ему нужен.

Открыв глаза, увидел, что снова нахожусь в той же комнате, из которой ранее отправился на разговор к Норту он Сворту. Вот только размер временного промежутка, скрывающегося за этим «ранее», был пока неизвестной величиной. Сколько я провалялся? Сутки? Час? Два?

Ощупав голову, обнаружил отсутствие каких бы то ни было обручей. Солтера на руке тоже не оказалось.

Комната была пуста.

Я снова был заботливо раздет, не иначе сиделкой, а моя одежда лежала аккуратной стопкой на кресле, в котором ранее она восседала.

Грета.

Я теперь знал, что сиделку, которую невольно испугал, зовут Грета. А испугалась она вовсе не взгляда, как поначалу мне показалось. Для её сознания, видимо, оказалось слишком шокирующим, что молодой господин, который был похож на свою безмолвную тень и которого чуть ли не за ручку водили по поместью, вдруг в одночасье стал обычным ребёнком. Ребёнком, в глазах которого больше не плескалось безумие.

Окажись на её месте любая другая – этого бы не произошло. Но случилось так, что именно суеверная Грета в тот момент находилась рядом. Сделав в голове пометку извиниться перед женщиной, я попробовал встать, что легко удалось, хоть и слегка мутило.

Не удосужившись надеть обувь, стоявшую тут же около кровати, зашлёпал босыми ногами в уборную, стремясь попасть туда быстрее, чем узнаю, что ел Андер, когда меня ещё здесь не было.

Через несколько минут, когда меня прекратили сотрясать рвотные спазмы, возникло непреодолимое желание принять душ, в чём я себе не стал отказывать. Разобравшись с переключателями в душевой кабине, сумел настроить приемлемую температуру воды и наскоро ополоснуться.

Когда я выбрался из уборной, меня уже ждали.

– Барон велел проводить вас в его кабинет, – учтиво поклонилась служанка. Не Грета.

– Прямо дежавю, – проворчал я.

– Что, простите?

Я только махнул рукой, понимая, что сарказм только навредит. В этом доме со слугами так не разговаривали. Значит, пока и я не буду.

Когда она открыла передо мной высокие двери кабинета, я лишь коротко кивнул.

– Как себя чувствуешь? – осведомился он Сворт, поднимаясь из-за стола, пытаясь высмотреть в моём лице что-то только ему известное. – Андер?

Несмотря на то, что сказано это было спокойным тоном, понял – он нервничает. Контролируя голос, часто, в период сильного волнения, забываешь о движениях, выдающих тебя с головой. Он слишком поспешно встал.

– Как кусок недожаренного мяса, – ответил я и тут же пожалел, что вспомнил о еде, так как меня снова чуть не стошнило.

– Это должно скоро пройти, – он налил из графина воды, затем капнул в стакан несколько капель из маленького пузырька и протянул мне. – Выпей.

Кочевряжиться я не стал. Хотя пить и не хотелось, но добавленная в стакан вытяжка из риолы действительно должна помочь. Вернув стакан, я опустил в кресло и прикрыл глаза.

– Значит, всё получилось! – констатировал он. – Чудесно! Надеюсь, ты на меня не в обиде.

Когда о чём-либо сожалеют, или хотя бы делают вид, в голосе появляются виноватые нотки, чтобы собеседнику было легче поверить в то, что пред тобой извиняются. Сейчас таких ноток не было и в помине. Он даже не попытался скрыть от меня, что его забота фальшива и насквозь формальна.

Вот только я теперь прекрасно знал, что за фрукт передо мной сидит и что от него можно ждать. В моём мире подобных субъектов характеризовали: «импульсивен, склонен к аффективным состояниям».

Не дожидаясь дальнейших расспросов, голосом, который резко стал мне противен, я первый начал говорить.

– Знаешь, если бы мне было шестнадцать, я бы вызвал тебя на дуэль за то, что ты сделал. И приложил бы все усилия, чтобы открутить тебе башку.

– Что!? Не забывайся! – возмутился он Сворт, явно не ожидавший такого.

– Я не договорил, – лениво перебил я его. – Так вот... Мало того, что ты не смог окружить заботой свою жену, так ты ещё после этого сам почти угробил пацана из-за какого-то вонючего магического секрета, когда тебе лишь показалось, что от тебя что-то утаили. А когда понял, что вот-вот тебя прихватят за задницу церковники – вызвал меня, чтобы я разгребал то, что ты здесь наворотил. Вот скажи мне, кто ты после этого? Не мудак ли?

– Ещё одно слово в таком тоне... – прошипел он, скорее интуитивно поняв значение незнакомого «мудак», – и я буду вынужден...

– И что ты сделаешь? – я открыл один глаз. – Снова будешь держать меня в запертой комнате несколько лет, чтобы никто не видел, что твой наследник – слюнявый идиот? Как же... что подумает общество, правда? А слухи о том, что это не твой сын – просто слухи, ведь так? Главное же – знания? Которые без меня тебе не получить. Я же правильно всё сказал?

Графин со звоном разлетелся о стену. В какой-то момент я подумал, что уже перегнул. Показалось, что барон плюнет на здравый смысл и просто придушит меня прямо в кресле. Но он Сворт сдержался. Да, сейчас его выдержка только всё усложняла.

Несколько секунд он смотрел на меня с такой незамутнённой чистой ненавистью, а потом прошипел:

– Честь рода он Сворт не должна быть запятнана!

– И это сейчас ты мне говоришь о чести Рода? – удивился я. – А ты в курсе, что о тебе говорят собственные слуги? Или спросим у твоих собственных дочерей, что они думают о таком папаше? Ты в курсе, что они тебя, как огня боятся? И я очень надеюсь: когда ты сдохнешь, они вздохнут с облегчением, по достоинству оценив подарок, который ты им преподнесёшь.

– Не смей даже упоминать о моих дочерях! А слуги... По-твоему, меня это должно беспокоить? Что они могут вообще знать?

– Знаешь, а я не удивляюсь, почему ты всё довёл до такого абсурда, – я поудобней устроился в кресле, постаравшись принять максимально вальяжную позу. Раздражающую. Будто я здесь хозяин. – Просто потому, что ты редкостный слабохарактерный говнюк, предпочитающий жить в своём выдуманном мирке. Ты же уже угробил свой Род! И если бы не клятва, то эти самые слуги, о которых ты только что так презрительно отзывался, ушли бы ровно через пять минут. А тебе пришлось бы самостоятельно драить свой баронский сральник потому, что с твоей репутацией никто бы никогда не пошёл к тебе в услужение. Знаешь почему? Да потому, что ты жалкое ничтожество, служить которому позор даже для слуг.

Грохнулся опрокидываемый стул, и в следующее мгновение голову мотнуло от удара, а меня попросту вынесло из кресла. Перед глазами плыло, и снова затошнило со страшной силой.

А ещё запахло ментолом.

– Мелкий ублюдок! – в рёбра с хрустом впечаталась нога и меня всё-таки стошнило на ковёр только что выпитой водой. – Если бы не твоя гнилая кровь, ты бы сдох ещё в младенчестве, тварь, – отрывисто прорычал барон, ударив меня ещё раз.

Я закашлялся.

Новых ударов не последовало, и я сделал попытку встать. Нужно ковать железо, пока горячо. Охнув, от неожиданности снова завалился на пол. Несмотря на то, что детские кости гибкие, этот урод, кажется, сломал мне рёбра. И, как минимум, обеспечил сотрясение, судя по тому, что меня снова тянет блевать.

А к запаху ментола примешалась ещё корица.

Я почувствовал, как меня вздёрнули в воздух за шкуру, несколько раз встряхнув.

– А теперь слушай сюда, ублюдок. Ты сделаешь то, что я скажу, понял? В точности исполнишь все мои указания, иначе...

– Какой же ты всё-таки непроходимый идиот, – я попытался улыбнуться, поняв, что в воздухе меня удерживала только непонятная сила Норта. – Ты только что сам себя лишил всего. Неужели ты думаешь, что после того, что ты сделал, я буду тебе помогать? Дядя Петя, ты дурак?

– Да ты вообще не Андер! – заорал он, покраснев. – Ты – не он! Тебя не должно быть, понял!? Это я тебя призвал! И ты сделаешь то, что я тебе скажу! Иначе, я с тебя шкуру спущу!

– Вижу, что хвалёное дворянское воспитание, в твоём случае – просто дешёвая позолота. Ты же сам распинался мне о тюремщиках. Видишь, какое ты говно? А насчёт «призвал» – скажи это церковникам, Норт.

Судя по тому, как скрипнули его зубы, я прошёл по грани, поставив перед выбором: дать волю гневу и прибить меня на месте, или утереться и попытаться со мной договориться. Сдать меня церковникам он не сможет, поскольку вместе со мной он попадёт сначала в пыточные, а потом предстанет перед церковным трибуналом, как применивший богомерзкий ритуал, запрещённый на территории империи. И он прекрасно это знал.

Если он меня убьёт – навсегда лишится шанса заполучить магический дар рода он Батов. Рода матери Андера.

Начатое представление нужно было доигрывать, поэтому я и не думал останавливаться.

– Слушай, а меня вот Андера всегда интересовал один вопрос. А что ты чувствовал, когда узнал, что та, которую ты любил, трахалась с другим? – я видел перед собой помутневшие от ярости глаза. Ты же всегда знал, что она тебя ненавидела и насквозь видела твою гнилую душонку. Тебе просто плюнули в лицо Норт он Сворт! Вот так плюнули!

Медленно утерев мой плевок, он сжал руку. Меня резко впечатало в пол.

«А вот теперь – готов!», – понял я, когда увидел, как он Сворт, повернувшись к столу, взял лежавший там нож для корреспонденции. Побелевшие от чудовищного напряжения костяшки сейчас были для меня, как лакмусовая бумажка. Он больше не будет пользоваться магией. Он просто сделает это лично. Ручками.

– Ты решил отрезать свою мужскую гордость, которой так и не смог заделать второго сына? – издевательски произнёс я, больше не делая попыток подняться. – Режь, она все равно тебе больше не понадобится. Да и не гордость! Так, висюлька бесполезная.

Эта фраза оказалась последней каплей.

Утробно зарывчав, барон выплеснул душившую его ярость, в один момент утратив всё человеческое, напрочь отключив голову. Всё, что я успел сделать – свернуться калачиком, и взяв на шее руки в замок, прикрыть от ударов голову.

«Только бы не сдохнуть раньше!».

На миг мелькнула предательская мысль, что я ошибся. Что, если у меня сейчас ничего не получится?

Когда нож воткнулся в моё бедро, я заорал от боли и инстинктивно попытался оттолкнуть его от себя, чем только больше разозлил.

– Я тебя на куски разрежу, ублюдок, – прохрипел Норт, провернув нож в ране, отчего меня выгнуло от боли. Хорошо, что я прикрыл лицо руками и лезвие не доставало до глаз, рассекая кожу предплечий.

Когда в груди возникло знакомое для Андера ощущение, я постарался прочувствовать его, чтобы запомнить. Чтобы в этом мире больше не чувствовать себя беспомощным...

Пьянящее чувство силы появилось внезапно.

Больше не было сил терпеть удушающую вонь ментола и корицы. Я почувствовал, что буквально задыхаюсь. И прежде, чем лезвие ножа второй раз вошло мне под рёбра, заставив одуреть от липкого чувства страха, я вытолкнул из себя всю ту энергию, которой уже не было места в моем теле. Наружу. Изю всех сил!

Я уже не слышал хруста собственных костей, когда неведомая сила отшвырнула нас друг от друга в противоположные стороны, практически размазав по стенам. Не видел, как Норт он Сворт с неестественно вывернутой головой остался валяться под противоположной стеной в обломках тяжёлого стола.

Единственное, что я запомнил – тошнотворная вонь ментола и корицы.

Глава 4

Первая мысль, пришедшая в голову, после того как я снова очнулся, была о том, что в бессознательном состоянии в этом мире мной проведено больше времени, чем в здравом рассудке.

Нездоровая тенденция, однако.

Главное, чтобы это не переросло в привычку.

– Слава Аарону, вы очнулись, – всплеснула руками Грета, подскочив ко мне, и положив руки на плечи, мягко пресекла мою попытку подняться. – Лежите, лежите, господин барон. Целитель сказал вам нельзя вставать.

– Пить, – разлепив сухие губы, выдохнул я.

Грета охнула, плеснула воды в стакан, затем поддерживая мою голову аккуратно напоила меня, следя, чтобы я не поперхнулся.

– Спасибо, – я откинулся на подушку. – Постой, – остановил я служанку, которая тут же вознамерилась уйти. – Что с бароном? Он жив?

Уже задав вопрос, понял – спрашивать не было смысла. Грета назвала меня господином бароном. В то, что она случайно могла ошибиться, я не верил. Слишком вышколена была прислуга в поместье. Уже этот факт должен был мне всё сказать.

Служанка испуганно вздрогнула и покачала головой, тут же подтвердив мои догадки.

– Мои соболезнования, молодой господин.

Переживать о своей оговорке я не стал. Это легко можно списать на мой возраст. А если принять во внимание произошедшее, то странно, что Андер снова не замкнулся в себе.

После того, как закрылась дверь, прислушался к ощущениям. Если я всё правильно рассчитал, то мои повреждения должны были затянуться в момент неконтролируемого выброса сырой магической силы. Силы, которую я пока не мог контролировать по причине элементарного отсутствия знаний и тренировок по владению своим даром.

Решение, что такая мразь должна отправиться на суд предков, сформировалось в тот момент, когда Норт он Сворт привязал меня к креслу. Я и там не был идеалистом, но тот, кто ради своей цели готов истязать детей – должен умереть.

Будь моя воля, собственноручно бы на куски порезал. А вот когда я получил доступ к некоторым воспоминаниям Андера, решение превратилось в твёрдое намерение. Оставалось только найти способ. Я не ангел, мне приходилось по долгу службы убивать. Много убивать, отбросив всякую жалость. Но только не детей. И я рад, что за много лет службы так и не получил такого приказа.

Что может сделать двенадцатилетний мальчик с неразработанным источником против квалифицированного мага?

Правильно – ничего, даже если рассчитывать на магическую составляющую. Именно поэтому я и решился на столь рискованное мероприятие. Наибольшее опасение вызывало умение барона держать в узде свои эмоции. Окажись мой расчёт хоть чуточку неверным, Андер бы умер окончательно.

Из воспоминаний мальчика я уже знал, что больше всего барона может зацепить напоминание о его промахах. Норт он Сворт был настолько гениален, насколько и тщеславен, так что ткнуть его носом в собственные промашки было наиболее верным путём, чтобы добиться его потери контроля над собой.

Оставалось только надеяться, что родовой дар матери сработает, как нужно, как один раз срабатывал до этого, а именно – защитит своего носителя, устранив потенциальную угрозу.

Уверенности, что это произойдёт, у меня не было, но здесь уж пришлось выбрать из двух зол меньшее и идти «ва-банк».

Если бы барон знал, что сделала мать Андера втайне от Норта, когда ей стало всё понятно, он бы ни за что не попытался угробить свой единственный шанс. Но Мари он Бат скрыла это и, незадолго до своей кончины, решилась на единственный, по её мнению, правильный шаг. Она передала родовое знание своему сыну.

Теперь благодаря частично восстановленной памяти, я знал, что мне нужно для развития дара, вот только никакой конкретики о его специфике у меня не было. И это было странно. Единственное, чего не учла Мари, что сын после её кончины сойдёт с ума. А что здесь делают с сумасшедшими одарёнными, я знал прекрасно.

Ими занимается Церковь.

– Как вы, господин барон? – в палату неслышно вошёл далеко не молодой мужчина, при этом он как-то странно на меня посмотрел.

Высокий лоб, умные глаза и непроницаемая маска чопорности на лице. Ассоциация с английским дворецким подходила ему больше всего, если бы он был облачён в традиционный жилет с бабочкой, вместо однотонной рубашки и простых тёмных брюк без стрелок.

Если верить воспоминаниям, это был помощник управляющего поместьем, Георг. И если слугам он не давал спуска, то с детьми барона, в том числе с Андером, он был добр, нередко замалчивая их шалости перед Нортом.

– Всё хорошо, Георг. Визит целителя пока отложим, – я сделал попытку сесть, что удалось мне с трудом. Переждав головокружение, кое-как опёрся на спинку кровати. – Скажи, что сейчас происходит в поместье?

Георг медленно стал говорить, не сводя с меня взгляда, отчего мне сделалось слегка неуютно.

– Вас нашла Энис, после чего сразу же доложила мне. Выжили только вы, – сухо, по-военному доложил он. – Барону, увы, оказывать помощь было поздно. После чего я взял на себя ответственность вызвать частного целителя, чтобы оказать вам медицинскую помощь.

– Сколько прошло времени с этого момента?

– Двое суток. Именно столько вы находились в беспомощности.

Вот чёрт!

– Как мои сёстры? – неожиданно для самого себя спросил я, заметив растерянный взгляд Георга. – Они знают?

– Слышало всё поместье, – тактично ответил мужчина и отвёл взгляд. – И убийство барона он Сворта не удалось бы скрывать долго. Рано или поздно об этом бы пришлось заявить во избежание серьёзных проблем. И чем раньше, тем лучше.

После слов Георга по коже пробежал неприятный холодок. Я молча смотрел на него, понимая, чем грозит излишняя осведомлённость старого слуги.

– Убийство? – изобразил я непонимание. – Разве его убили?

– При вызове целителя и дознавателя, я использовал формулировку: «несчастный случай», – перешёл он чуть ли не на шёпот. – Я всё знаю, – решился Георг, посмотрев мне в глаза. – Я слышал ваш разговор с бароном.

А вот сейчас – всё очень плохо! Я пока не знал, что именно он слышал, но уже сам факт этого не позволял пренебречь прозвучавшими словами. Но пока мой мозг лихорадочно перебирал варианты, Георг удивил меня второй раз.

– И это знание умрёт вместе со мной, господин барон. Я молю только об одном – выслушайте меня, прежде... – он замялся, – ...прежде, чем принимать какое-то решение.

– Я слушаю.

– Моя семья больше трёх веков служила роду он Бат, – сбиваясь начал он. – И мы связаны клятвой, понимаете?

– Если честно, то пока нет, – пришлось признать мне.

– Вы остались единственным представителем родов он Сворт и он Бат по мужской линии. Случись что с вами...

Детали стали немного проясняться.

Если он меня сдаст, то его семья останется на улице после смерти моих сестёр. Бесспорно, они смогут родить наследника мужского рода через некоторое время, вот только шанс того, что они смогут удачно выйти замуж – около нулевой. За ними нет и не было богатого приданного и мощи Рода, который сможет их защитить. А уж после смерти барона – и вовсе. Поэтому судьба слуг, пусть даже лучших, при угасшем роде довольно незавидна. Неудивительно, что он цепляется за возможность сохранить хоть какую-то стабильность.

С этой стороны практичность Георга была более, чем понятна. Вот только я давно не верил в людские мотивы с одинарным дном, но навскидку понять, что с меня хотят поиметь, тоже не мог. Надеюсь, время на размышления у меня будет.

– Допустим, это так. А где гарантия того, что я не окажусь таким же как ваш предыдущий хозяин?

– При всём уважении к вам, господин барон, – нахмурился помощник управляющего, – мы здесь находились только по воле баронессы он Сворт, урождённой графине он Бат. После её кончины барон позволил нам остаться. Из-за вас. Мы – ваши слуги, а не он Сворта. Заранее прошу прощения, но я достаточно пожил на свете, чтобы хоть немного разбираться в людях. Я... слышал, что вы говорили барону перед тем, как всё случилось. Всё до единого слова. Ещё раз прошу меня простить, но ваши слова, адресованные покойному барону... скажем, с ними многие из нас согласны.

– И? Вы не боитесь мне об этом вот так открыто сообщать? – неприятно удивился я. То, что я проморгал такой аспект, как вездесущие слуги – неприятно. Более того – это серьёзный просчёт. – Кто ещё знает об этом?

– Только я, господин барон. И я вас уверяю, больше никто ничего не узнает. Со своей стороны, могу пообещать вам посильную помощь в ваших делах. Уверен, она вам понадобится, господин барон.

– Ты же понимаешь, что это пока просто слова, Георг? – закончив рассматривать перебинтованные руки, я сделал попытку подняться с постели.

Прекрасно понимаю, какой диссонанс сейчас вызывают нормально построенные фразы из уст, пусть даже очень умного, но всё же ребёнка. Честно говоря, не знаю, как бы воспринимал, доведись быть на его месте.

С другой стороны, если прижмут, думаю мне удастся скосить «под дурачка», когда на одну чашу весов ляжет моё слово, а на другую – слуги. Но всё же до этого я доводить не стану.

– Понимаю, господин барон. Мы обязательно поговорим об этом позже. Позвольте совет? – неожиданно он сделал шаг к кровати. – Для всех будет понятней, если вы продолжите соблюдать постельный режим.

– Поясни, – подобрался я.

– Лучше вам самому убедиться. Позвольте? – указал он на мою перебинтованную руку. Получив разрешение, Георг сноровисто размотал несколько слоёв бинта, кое-где насквозь пропитанных мазью, а я с оторопью уставился на своё предплечье. Абсолютно здоровое, зажившее предплечье с белесыми нитками застарелых порезов, будто им уже несколько лет.

– Вам лучше это скрыть, господин барон.

– А целитель разве не видел?

– Они затаились не сразу, а при смене повязок на следующий день я наблюдал уже вот такую картину. Повязки менял я. И потом взял на себя смелость сообщить господину целителю, что в его услугах мы больше не нуждаемся, а дальнейшее лечение будет проходить под

присмотром его родового коллеги. Смею заверить, что все полученные раны имеют идентичное состояние. Вы полностью здоровы, но весьма ослаблены.

Покопавшись в воспоминаниях, я не нашёл ответа на вопрос: как у Андера появилась способность к такой потрясающей регенерации.

– Я вам потом всё объясню, господин барон, – Георг вернул на место бинты. – А пока, для всех, вам нездоровится.

Меня неприятно царапнула его последняя фраза. Подобную совсем недавно обронил он Сворт, когда так же хотел меня упрятать от посторонних глаз. Видимо, что-то рассмотрев в моих глазах, Георг добавил:

– Я не смею вас ограничивать, господин барон, но это избавит вас от первоначального разговора с дознавателем. Предполагаю, что сейчас у вас нет особого желания отвечать на вопросы.

– Ты прав, – пришлось согласиться мне с его аргументами. – Что ещё... посоветуешь?

– Простите, господин барон, – слегка поклонился он. Впрочем, по его внешнему виду было не сказать, что он испытывает хоть какое-то раскаяние. Так, просто дежурная фраза из обширного арсенала вышколенных слуг. – И ещё один совет, если позволите.

– Да, конечно.

– Двенадцатилетние мальчики так не разговаривают, господин барон.

И непонятно, с насмешкой это было произнесено или совершенно серьёзно.

* * *

Пока я как на иголках дожидался приезда этого самого непонятного дознавателя, Георг вкратце просветил меня, как мне нужно себя вести.

Главное – это то, что со мной не имеют право беседовать с глазу на глаз. Это должно происходить или в присутствии совершеннолетнего родственника, или официального опекуна. Так как ни того, ни другого нет – я могу отказаться от встречи с дознавателем.

Но, как всегда бывает, протоколы для того и создавались, чтобы неукоснительно соблюдаться по отношению только к тем, кто может показывать силу. Благодаря он Сворту, наш, а теперь уже – мой род, силой похвастаться не мог. Так что вряд ли, дознаватель, прекрасно зная, что в доме, кроме слуг, находятся только трое детей, среди которых нет ни одного совершеннолетнего, будет придерживаться протоколов. Маловероятно, скажем так.

Ещё стоит учесть, кто именно приедет.

Люди бывают разными, а люди, обличённые хоть маленькой, но властью – ещё и спесивыми, если не сказать жёстче. Жизненный опыт подсказывал, что миры могут быть разными, но к людям это относится мало. Люди везде одинаковы. Алчные, жестокие, продажные и подлые.

При выборе линии поведения, решил отталкиваться от стратегии: «не помню – было больно – очнулся, и тут вы со своими вопросами». Учитывая, что как бы барон не скрывал факт помешательства своего отпрыска, всё равно часть слухов, даже через слуг, просто обязана была просочиться наружу. И если дознаватель попадётся толковый, он обязательно за это уцепится. Отсутствие вранья, но подкорректированная полуправда – отличное решение во все времена.

Вопреки моим опасениям, не уцепился.

Прибывший мужчина оказался полноват и слегка неопрятен.

Невразумительно представился Диком, но фамилии я не расслышал и переспрашивать, естественно не стал. Наскоро прилизав редкие волосы перед зеркалом, висевшим в палате, он со скучающим видом записал мои ответы, задал несколько вопросов на предмет, что я помню и о чём разговаривал с бароном. После чего изъявил желание выпить кофе и вскоре Георг доложил о его убытии. В кабинете барона этот субъект задержался немногим дольше, как доложил потом Георг.

Отвечая на его вопросы, я старался не выходить за рамки поведения ребёнка моего возраста. Несмотря на то, что я не был физиогномиком, даже мне было ясно: дознавателя коробит сам факт записи моего детского лепета, пусть даже и сына барона. Для него это просто рутина.

Похоже, его приезд, был для проформы.

Сухие строчки протокола лягут на бумагу, затем лист подошьётся в какую-нибудь потрёпанную папку, чтобы впоследствии осесть мёртвым пыльным грузом в их подобие архива, с пометкой «закрыто». Их ведомству барон он Сворт был неинтересен.

А вот меня неизвестность беспокоила. Пусть я не интересен местным стражам правопорядка, но вскоре должны появиться те, кто проявит интерес к наследству уже покойного барона. В то, что этого не случится, я не верил не капли. И пока было непонятно, как к этому готовиться и сколько у меня осталось времени.

– Неприятный тип, – поджал губы Георг, вернувшись ко мне после того, как выпроводил

– Есть такое, – сделал я вид, будто не заметил ни его реплики, которую ни один из слуг, и он в том числе, не посмел бы бросить при покойном бароне, ни его мимолётного изучающего взгляда.

И если это не первый звоночек, то я совсем не разбираюсь в людях.

Глава 5

Остаток дня я решил провести в постели, попросив Георга, чтобы он никого ко мне не пускал. Мне не нужны были визитёры. Нужно было всё обдумать и наметить план дальнейших действий.

– Как будет угодно, – помощник управляющего воспринял просьбу совершенно спокойно. – Когда прикажете подать ужин? Есть особые пожелания?

Насколько я знал, питание здесь было на высоте, так что смысла что-либо менять не было. Единственное, чего хотелось до одури – это кофе.

Настоящего.

Сваренного молотого кофе, которого я не пил довольно давно, перебиваясь в последние месяцы той жизни дешёвым растворимым дерьмом, по ошибке именуемым «натуральным бразильским». В какой стране его изготавливают здесь – я не знал. Мне достаточно было вспомнить запах, чтобы понять – это он, тот самый.

– Нет, – покачал я головой. – Ужин через час. И добавьте, пожалуйста, чашку кофе вместо сока. Без корицы.

– Прошу простить, но в вашем возрасте...

– Пусть думают, что это тебе, – поморщился я. – И да, будет лучше, если ужин ты принесёшь сам. Ещё просьба – пасту для чистки зубов из ванной комнаты – убрать. Нужна другая, фруктовая, без ментола.

Если Георг и удивился, то никак этого не показал. Объяснять свою резкую смену вкусов я не собирался.

– Что сейчас происходит в поместье?

– Всё, как обычно, – скупое доложил он. – Прислуга заканчивает наведение порядка в кабинете барона, остальные задействованы, как обычно.

– Управляющий?

– Он вернётся не ранее, чем через три дня, господин барон. Я хотел с вами поговорить по этому поводу.

– Обсудим это позже, Георг. Я примерно понимаю, что ты мне хочешь сказать, – поднявшись с кровати, я несколько раз присел, чтобы разогнать кровь. – Предупреди, пожалуйста, чтобы из кабинета барона ничего не выносили. Ближе к ночи я бы хотел туда попасть.

– Господин барон...

– Это не обсуждается. После полуночи это не составит труда, ведь так?

– Как вам будет угодно.

– Завтра ожидаются какие-то визиты?

– О таковых я пока не знаю.

– Хорошо. Думаю, что скоро узнаешь, – мрачно пообещал я.

– Что заставило вас так считать? – поднял бровь Георг.

– Хочу ошибаться, но ты забываешь о церковниках. Уверен, что в ближайшее время кто-то из их братии почтит нас своим визитом. И это должно случиться после того, как я увижу тело барона и попаду в кабинет.

Спустя час Георг принёс мне ужин. Лёгкий салат, чашка с бульоном, отдельно – пюре, похожего по вкусу на картофельное, чашка кофе, исходящая ароматным паром и мясная котлета. Постаравшись всё это умять побыстрее, чтобы кофе не успел остыть, я забрался с ногами на кресло, смакуя мелкими глотками величайшее из открытий человечества.

Итак, ситуация не из простых, если говорить мягко.

Первым делом нужно просмотреть записи покойного барона. В том, что они имеются, я ни капли не сомневался, поскольку Норт он Сворт был педантом. Ещё я надеялся попытаться подобрать список литературы по управлению своим даром. Сомневаюсь, что без посторонней помощи мне удастся в этом разобраться, но ознакомиться стоило в любом случае. Знания – сила.

Мне были срочно нужны любые знания: по устройству мира, политической обстановке, по экономической составляющей доходов рода он Сворт. В общем, всё, с чем придётся столкнуться в самые ближайшие дни.

В скором времени всё то немногое, что сейчас пока есть у меня, попытаются растащить. Насколько я знаю, у он Сворта ещё была сестра – Камила, которую мальчик видел всего насколько раз. Приятного впечатления она на него не произвела, как я понял, но делал скидку на восприятие ребёнка. Где она сейчас и чем занимается, и какой у неё титул, он также не имел представления. О других родственниках Андер не знал.

До совершеннолетия – четыре года, которые нужно продержаться. За это время может случиться всё, что угодно.

Мне бы проконсультироваться с кем-то знающим...

Я не знаю пока, что здесь делают с дворянами, оставшимися без родителей. Назначают опекуна, отправляют в какие-то заведения... не знаю. Но то, что никто не позволит мне просто бесконтрольно жить в усадьбе – это точно.

Мне срочно требовалась «ширма». Взрослый, который будет мне полностью лоялен и прикроет меня эти четыре года, до того момента, когда я буду иметь право сам принимать решения за свой Род.

Также, если все эти вопросы закроются с положительным исходом, нужно озаботиться репетиторами. Я знал, что некоторые из них занимаются с моими сёстрами, но что они преподают – неизвестно. Андер последние несколько лет этим не интересовался.

Поглощённая память мальчика улеглась в моей, при этом не задев ничего из моих воспоминаний. Я по-прежнему помнил все номера табельного оружия, большинство из документов, с которыми по долгу службы мне пришлось ознакомиться и многое-многое другое. Беспокоило только то, что воспоминания Андера всплывали рваными кусками.

Постепенно.

Причём, без какой-либо привязки к текущей ситуации. Какой-то объём «распаковался» сразу, а вот некоторые детали, которые мальчик точно был должен знать, оставались загадкой.

Например, имена слуг. Я знал только несколько. Расположение помещений усадьбы – частично. Имена сестёр – Аурита и Ника... Оставалось надеяться на то, что, когда его знания будут постепенно усваиваться, они не зацепят мои собственные.

Уверенности в этом у меня пока не было, но тут мне пришлось уже положиться на местные фокусы. От меня больше не зависело ничего.

Бросив взгляд на свои руки, решительно начал разматывать бинты. Если что, завтра утром снова намотаю, чтобы не вызвать подозрений. К тому же там, куда пришлись удары он Сворта, жутко чесалось.

Георг заверил меня, что до того момента, когда придёт время идти в кабинет, меня никто не побеспокоит, поэтому я со спокойной душой решил принять душ, чтобы смыть с себя эту вонючую мазь, от которой, признаться, уже подташнивало.

Сбросив всю одежду, критически осмотрел себя в ростовом зеркале ванной.

Обычный мальчик, черты лица которого ещё даже не начали перерастать в подростковую угловатость. Большие карие глаза, почти чёрные в приглушённом освещении ванной комнаты и успевшие отрасти до состояния неопрятности чёрные волосы.

Нет, всё-таки нужно постричься и чем короче, тем лучше.

Невольно сравнил себя с бароном, тело которого имело весьма спортивное телосложение, и вздохнул. Этому телу ещё нужно сперва вырасти, а уж потом «наедать мясо». Желая проверить свою догадку, я принял упор лёжа. Один, два – уже со скрипом, а на третьем отжимании задрожавшие руки не смогли выпрямиться полностью.

Да уж...

Работать мне ещё и работать. Хотя, чего я ждал от парня, которым никто не занимался и который почти четыре года просидел взаперти в комнате, выбираясь только изредка в парк, разбитый перед усадьбой, в сопровождении одной из служанок.

Приняв душ и, одевшись, сложил бинты в углу ванной комнаты. Приоткрыв дверь, убедился, что комната пуста, и только потом проскользнул к кровати.

Оставшееся время тянулось очень долго.

Я уже успел отругать себя за недогадливость. Нужно было попросить Георга принести какую-нибудь книгу, чтобы попрактиковаться в чтении. Андер читать умел, но по слогам и медленно. Естественно, что я буду делать это быстрее, но всё равно – нужен был навык. Да и стиль изложения самой книги скажет об окружающей обстановке намного больше, чем кажется на первый взгляд. Точно, нужно узнать у Георга, есть ли здесь такое явление, как «свежая пресса»?

Время близилось к полуночи, когда Георг, наконец, появился. Убедившись, что я готов, он только кивнул и пригласил следовать за ним. От показного подобоострастия не осталось даже намёка, что я тоже взял на заметку.

– Спасибо, Георг, – повернулся я к нему, когда он прикрыл двери кабинета. – Сколько у меня есть времени?

– До половины шестого утра. В это время просыпается прислуга.

Я внимательно осмотрел кабинет. Следов разрушения полностью скрыть не удалось, но порядок здесь навели довольно оперативно.

– Что-то ещё, господин барон?

– Нет, Георг. Утром я вернусь в свою комнату, – ответил я, убедившись, что часы в кабинете присутствовали. Что странно, даже шли, несмотря на чудовищный выплеск магической энергии.

– Возьмите, – помощник управляющего протянул мне ключ. – Я закрыл вашу комнату, чтобы никто не обнаружил вашего отсутствия. В четыре часа я зайду за вами, – увидев мой вопросительный взгляд, добавил, – а ключ пусть будет у вас. Думаю, вам он нужнее.

Дождавшись, пока за Георгом закроется дверь, я щёлкнул замком и ещё раз внимательно осмотрел кабинет. Обыск решил начать с остатков письменного стола, который остался практически цел, за исключением столешницы, которую съёс собственным телом Норт он Сворт.

Но здесь меня ждал облом.

В единственном открытом ящике обнаружилась только стопка чистой бумаги и несколько пустых конвертов. Два ящика были заперты, и мне непременно нужно было их открыть, так как я совершенно точно помнил, что именно оттуда барон доставал солтер. Странно, что стол оставили здесь в таком состоянии, а не вынесли, как остальную сломанную мебель. Наверняка, распоряжение Георга. Хорошо, попробую поискать ключи от ящиков.

Оставив стол в покое, перебрался к комоду. Несколько бумажных папок, два журнала, закрытая шкатулка и две запечатанные пачки бумажных купюр, номиналом в тысячу единиц. Названия валюты я не знал, и совместная память тоже молчала.

Мало это или много – непонятно, но раз они просто так лежали в открытом ящике – видимо, не очень. Шкатулку решил забрать с собой в комнату, чтобы попытаться открыть в спокойной обстановке, благо, она лёгкая.

А вот содержимое следующего ящика меня весьма удивило. В ножнах, плотно обтянутых тиснёной кожей, покоился клинок. Как-то это не сочеталось. Технический прогресс, мониторы, автоматическая сушилка в душе и... шпага. Или рапира, если угодно.

«Штар», – неожиданно всплыло в памяти.

Простой эфес с потёртой оплёткой, воронёная гарда... Видно, что клинком пользовались постоянно. Ну какой мужчина удержится и проигнорирует такое?

Ещё не осознав, что делаю, обхватил рукоять правой рукой, а левой сдёрнул ножны на одну треть клинка, обнажив голубоватую сталь.

В следующее мгновение, руку прострелило электрическим разрядом. Тело немедленно скрутило судорогой, которая отдалась яркой вспышкой в мозгу, а потом меня парализовало, скрючив в позу эмбриона.

Грохот упавшего на паркет тела, наверное, услышал весь дом.

Беззвучно открывая рот, я пытался пошевелиться, но всё было тщетно. Даже саднящий локоть не потерять...

А ещё пахло свежим деревом...

Чувствительность стала возвращаться минут через пятнадцать, при этом неприятно покалывало в мышцах. Ещё спустя пять минут я нашёл в себе силы, чтобы подняться с пола.

Клинок валялся на полу, почти полностью выдернутый из ножен.

Когда меня скрутило, в центре груди, что-то взорвалось, вот только взрыв ничего общего не имел с настоящим. Создалось впечатление, что это было некое предупреждение, что ли. При взгляде на клинок, вдруг с удивлением понял, что я ни за что его здесь не оставлю. Чувство было странным.

Никогда не был фанатом холодного оружия, но именно этот я никому не отдам.

А! Была не была!

Тыльной стороной руки, как, красуясь, любят проверять напряжение электрики, ударил по эфесу, подспудно ожидая нового удара.

Ничего.

Теперь медленней коснусь, вдруг не успел «поймать контакт» ...

Снова ничего. Вот и славно!

Ноздри вдохнули запах свежего дерева, вот только по нему, видимо, кто-то уже успел пройти «выжигателем», так как запах горчил, царапая ноздри гарью.

Рука обхватила рукоять клинка, но вопреки ожиданиям, меня не тряхнуло.

Клинок лёг, как влитой. Вот только я прекрасно понимал: длина его не под мой рост. Добавить ещё два эфеса, и он сравняется с моей макушкой. Клинок для взрослого.

Чужеродный звук, раздавшийся от двери, царапнул ухо, и сердце моментально ухнуло в пятки. Взгляд заметался в поисках укрытия, но слишком медленно. Со скрипом повернулся ключ в замке, дверь распахнулась, впуслав тусклый свет коридорных светильников...

Всё, что я успел сделать – юркнуть и затаиться за высоким шкафом, стоящим около комода, на который я в самый последний момент успел водрузить странный клинок.

Глава 6

Когда ты оказываешься не в то время и не в том месте, самое главное – моментально прокачать ситуацию и найти единственное правильное решение, позволяющее выйти из сложившихся обстоятельств с наименьшими потерями для себя.

Я слышал тихие шаги по паркету, дыхание ночного визитёра и вполне представлял рисунок его перемещения. То, что это случайный воришка, или кто-то из прислуги, решившей под шумок немного поправить своё благосостояние, я почему-то не верил. Незванный гость отлично знал, за чем он пришёл, первым делом направившись именно к остаткам письменного стола барона, а не к запертому сейфу, стоящему в углу.

Повторив мои действия практически в той же последовательности, неизвестный не сдался после неудачной попытки открыть запертые отсеки. Через несколько секунд я услышал скрежет, будто после хорошей попойки, кто-то пытается попасть вроде знакомым ключом в подло ускользящую замочную скважину. Даже не нужно было выглядывать, чтоб понять, что неизвестный орудует отмычками, или подобием проволоки.

Искренне надеюсь, что в этом мире замки не представляют из себя лёгкую добычу, так как мне теперь тоже стало жутко интересно, что же такого должно здесь храниться, чтобы привлечь внимание профессионалов. А в том, что гость был профи, я уже не сомневался. Даже кольнула досада, что я никогда не узнаю, что находилось в том ящике, который он открыл. Через несколько секунд раздался щелчок второго замка, и после короткого обыска, разбавленного шелестом бумаги, незванный гость переместился к комоду.

Значит, того, за чем ты явился, дружок, там не оказалось.

Вот выдвинулся ящик комода, а я непроизвольно задержал дыхание, прислушиваясь к происходящему в комнате, изо всех сил стараясь не выдать себя неосторожным шорохом. Понятно, что в прямом противостоянии – я ему не соперник. Ребёнок против подготовленного взрослого – это даже не смешно. Скорее всего меня просто прихлопнут, походя.

Когда раздался звук упавшего тела, я даже сначала не поверил в такую удачу... Осторожно высунувшись из-за шкафа, увидел валяющееся тело, из-под которого выглядывал знакомый мне клинок.

Щелчок моих пальцев, и, среагировав на звук, мрак кабинета вновь развеял мягкий свет лампы. Здешние технологии начинали мне нравиться.

Памятуя, что у меня есть от силы минут десять, пока незнакомец не очнётся, я решил его связать, благо в этом опыта у меня было хоть отбавляй. С сожалением оглянувшись, признал, что в кабинете Норта ничего подходящего на роль верёвки найти не удастся.

Осторожно приблизившись к распростёртому телу, аккуратно задрал край его куртки, надеясь увидеть там что-то на подобие ремня, который, умеючи, можно использовать для моей цели.

В нос запоздало ударила вонь горелой плоти.

Ремень присутствовал. Кожанный, больше смахивающий на портупею, чем на гражданские модели. Добротный ремень, бляха крепкая металлическая. На таком смело вешаться можно.

Вот только мне он был больше не нужен, так как незнакомец был мёртв. Приложив пальцы к его шее, я не почувствовал пульса. А взгляд на обугленную, чуть ли не до кости, руку, которой он, видимо, и схватил клинок, заставил меня непроизвольно вздрогнуть, поняв, чего именно мне удалось избежать.

Ещё раз с опасением покосившись на клинок, аккуратно вытащил его из-под незадачливого воришки, стараясь держаться только за ножны, что мне с трудом, но удалось. Водрузив его на комод, вернулся к телу.

Первым делом прошёлся по карманам.

Неужели даже здесь нет спасения от этой гадости? Отложив в сторону найденную пачку сигарет, практически не отличающуюся от тех, которые мне доводилось видеть там, я вытащил следом металлическую изящного вида зажигалку. На первый взгляд, вещица недешёвая, хотя могу и ошибиться.

Связка ключей, в количестве трёх, с круглым потёртым брелоком, ещё один ключ отдельно, только массивнее, непонятный прибор, больше всего смахивающий на дистанционный измеритель температуры и, неожиданно, массивную печатку, которую, готов поклясться, я видел на безымянном пальце левой руки Норта он Сворта.

Печатка с ключами отправились уже в мой карман, зажигалку с сигаретами я тщательно протёр, как и непонятный прибор, и вернул обратно в карманы воришки. Не знаю, какие методы расследования здесь применяются, но, если обнаружится, что малолетний пацан хладнокровно прошёлся по карманам мертвеца, вместо того, чтобы подвывать от ужаса, сидя в углу, как поступил бы почти каждый из его сверстников, ко мне неминуемо возникнет целая куча вопросов.

Не поленившись, я полностью прошупал подкладку куртки, воротник и все те места, где опытный диверсант/ шпион/ вор может спрятать массу вещей, начиная от капсулы с ядом, заканчивая разнообразнейшим оружием, но больше ничего не нашёл.

Кто же ты такой, и что тебе здесь было нужно?

Решив удовлетворить своё любопытство, заглянул в уже открытые ящики стола. Журналы, записи, снова записи, судя по всему – бухгалтерия, и – всё.

Наскоро пролистав, не обнаружил что-либо для меня понятного или интересного. Сухие строчки цифр, скупые пометки на полях неразборчивым почерком. Безусловно, если это хранилось в закрытом ящике, то ценность для покойного барона оно представляло, поэтому я всё же отложил записи в сторону. Не поленившись, я даже заглянул под днища ящиков на предмет спрятанных бумаг или двойного дна, но тщетно.

Ещё толком не понимая, что именно ищу, помимо того странного жезла, в котором содержался слепок памяти Андера, я руководствовался сейчас только своим житейским опытом. Но вот то, что та штука должна быть найдена и схоронена подальше с глаз – я был уверен, так как словам барона, что запечатление слепка – это стандартная процедура, веры не было.

Провозившись, я не заметил, как быстро пролетело время, и когда в замке провернулся ключ, не успел среагировать. К счастью, это оказался Георг. Не знаю, что он собирался сказать, когда вошёл, но вот взгляд остановился на трупе, и Георг побледнел, не на шутку всполошившись.

Показное это было или нет, но паника помощника управляющего – последнее, что мне сейчас было нужно.

– Святой Аарон, – всплеснул руками Георг. – Это кто? Как он здесь оказался?

– Ты меня спрашиваешь? – удивился я. – У меня к тебе точно такой вопрос, Георг. Это кто, и что он здесь делает? У нас в поместье вообще есть охрана?

Конечно же я знал, что охрана наличествовала, но вопрос оставался открытым. А ещё нужно было выяснить, пробрался ли ночной гость незаметно, или же ему пришлось кого-то ликвидировать для этого.

В руках Георга возникла плоская коробочка, оказавшуюся ничем иным, как коммуникатором, и он набрал кого-то, прежде чем я успел сказать ему хоть слово.

– Константин? Срочно в кабинет барона. Да. Жду.

Я досадливо поморщился оттого, что, не успев остановить излишне резвого Георга, поинтересовавшись, кому он звонит, но, услышав имя, расслабился.

Константин Арнье – начальник охраны, занимавший эту должность, сколько Андер помнил. Всегда державший себя в форме, уже почти седой мужчина, спокойный и своё дело знающий. Из бывших военных. Вот только каких войск и военных кампаний, мне было неизвестно.

Не прошло и пяти минут, как он появился в кабинете.

– Андер? – моментально насторожился он. – Что произошло? – тем временем его взгляд уже шарил по комнате. Увидев тело, он моментально подобрался. – Георг?

– Во время того, когда я находился в кабинете отца, вот этот мужчина тоже пробрался сюда. Я успел спрятаться за шкафом. Потом он взял в руки клинок и... вот, – показал я на тело.

– Господин барон, – замялся Георг. – А вы можете объяснить нормально?

Не знаю, как он в обычный вопрос смог вложить утвердительную интонацию, но ему это удалось. Он даже не намекнул, он прямо сказал, что при Арнье можно не валять дурака.

– Хорошо, – вздохнул я. – С помощью отмычек вор вскрыл замок, а затем начал обыск. Ящики стола были вскрыты тем же набором. Вон они, на комод лежат. Потом его убил клинок, который он по неосторожности умудрился цапнуть. Всё, – пожал плечами я.

– Ты всё это время находился за шкафом? – не смог скрыть удивления Константин.

– И что мне, по-вашему, нужно было делать? Героически затеять драку с голой задницей?

Растерянно посмотрев на Георга, Константин снова перевёл взгляд на меня. Прекрасно понимаю возникший у него диссонанс, но всё равно – раскрываться пришлось бы рано или поздно. А заручиться его поддержкой мне было необходимо.

– Что делают в таких случаях? – указал я на тело, обращаясь к мужчинам. – Нужно вызывать какие-либо уполномоченные органы, или...?

– Стоп! – он вытащил из-под рубашки круглый медальон, висевший у него на шее. – Всем постам по порядку – доложить обстановку. Первый пост, что у вас?

Дождавшись доклада, но заметно расслабился, поскольку вся смена была на местах, а значит ночной визитёр прокрался сюда, обходя посты. В этом тоже хорошего мало, но для этого и существует начальник охраны, чтобы разбираться: как и почему охраняемая усадьба превратилась в проходной двор. Отдав необходимые распоряжения, Константин подошёл к телу и сделал то же самое, что и я – полностью его обыскал. Сложив все вещи мертвеца в бумажный пакет, он добавил к ним лежащий на комод набор отмычек.

Спустя несколько минут двое парней, вызванные начальником охраны, унесли тело, а Константин обратил внимание на меня, скромно стоящего в сторонке.

– Приятно видеть вас в добром здравии, господин барон. А теперь я бы ещё раз хотел услышать, что здесь произошло. Постарайтесь, пожалуйста вспомнить всё до мельчайших подробностей.

Пересказ занял ещё минут пятнадцать, во время которого Константин скрупулёзно выуживал из меня детали произошедшего.

– Я обязательно выясню, каким образом он здесь оказался, – мрачно пообещал он.

– Думаешь, ему помогли? – Георг задумчиво рассматривал лежащий на комод клинок, впрочем, держась от него на почтительном расстоянии.

– Не думаю. Я в этом уверен, – хищно оскалился Константин, а я вдруг со всей ясностью понял: он обязательно докопается. И тогда кое-кому не поздоровится. – Дайте мне немного времени, я всё обязательно выясню.

– Может, это облегчит вам задачу? – вытащив из кармана ключи, я отдал их удивлённому начальнику охраны. – Я понятия не имею, от чего они могут быть.

– Зато я, кажется, понимаю, господин барон. Вот этот, – продемонстрировал он связку с брелоком, – от автомобиля. И теперь я уверен, злоумышленник оставил его неподалёку. Как только я во всём разберусь, вы узнаете об этом первым. И ещё, – он на миг замялся. – Я бы

попросил вас пока держать в тайне случившийся инцидент. Ни к чему сеять панику среди слуг. Мои парни, естественно, будут молчать.

– Мне сейчас кажется, что вы имеете в виду не только слуг.

– Завтра, вернее уже сегодня, – исправился он, – ожидается визит представителя государственной службы по вопросам опеки.

– Чем это грозит? – моментально насторожился я.

– Если бы не обладали магическими способностями – много чем. А поскольку вы являетесь носителем дара, то подпадаете под особый контроль имперской службы безопасности, как единственный мужчина-маг рода он Свортов. С одной стороны – это хорошо, так как за вас теперь отвечает империя, а с другой – до совершеннолетия вам и вашим сёстрам будет в обязательном порядке назначен опекун, если родственники откажутся взять это обязательство на себя. В нашем случае, прямых родственников нет, так что именно опекун будет вести дела Рода до вступления вами в возраст.

– То есть, в покое меня никто не оставит, я правильно понимаю? – задумался я.

– Увы, но это так, – осторожно подтвердил Георг.

– А кто-то из вас может стать моим опекуном?

– Боюсь, что не в этом случае, господин барон, – покачал головой Константин.

Услышанное меня расстроило.

Понятно, что ничего хорошего, от того, что чужой дядя или тётя будет несколько лет копаться в делах моего рода, ждать не придётся. Даже примеров из моего мира хватало, чтобы навсегда разочароваться в людской честности и порядочности. Никто не упустит возможности попытаться оттяпать хороший кусок из доходов он Сворта.

Особенно, если на то есть законные основания.

– Мне нужны данные по всем моим оставшимся родственникам. Сколько времени для этого потребуется? – поинтересовался я у Арнье.

– Прошу прощения, а какого рода данные вам требуются?

– Те, из которых я смогу приблизительно понять, кто что из себя представляет.

– Я понял. В течении часа все будет у вас, – Константин как-то странно переглянулся с Георгом. – Что-то ещё?

– От вас – нет. – кивнул я. – Георг, будьте добры, принесите мне чашку кофе, – взяв под мышку шкатулку и записи барона, я под удивлёнными взглядами мужчин сгрёб ножны со штаром с комода и направился к сейфу. Теперь я знал, как открывается бронированное хранилище, но при мужчинах этого делать не собирался. – Мне бы хотелось закончить осмотр кабинета.

Необходимость попасть к телу Норта он Сворта тоже отпала, так как ночной вор всё сделал за меня, принеся родовой перстень барона прямо мне в руки.

Мужчины вышли, аккуратно прикрыв дверь, и я снова остался один. Судя по взглядам Константина, кого-то сейчас будут буквально потрошить на предмет информации о странном поведении юного господина барона, но почему-то беспокойства не ощущалось. Константин – не то человек, который будет выносить сор из избы, делясь какими-то догадками с посторонними. По крайней мере, пока всё сам как следует не выяснит.

Я не знал, по каким принципам работал перстень, но, в тот момент, когда я одел его на безымянный палец левой руки, металл слегка нагрелся. Готовый в любую секунду сорвать его и отшвырнуть подальше, если вдруг что-то пойдёт не так, я с изумлением наблюдал, как он уменьшается в размерах, плотно охватывая палец и перетекая из массивного «болта», аляповато смотревшегося на руке он Сворта, в изящную печатку с легко узнаваемым гербом рода: витой буквой «С» в обрамлении двух ветвей неизвестного мне дерева.

На мгновение вспыхнув, перстень снова стал нормальной температуры. И ещё... откуда-то пришло знание, что, пока жив, снять его с пальца добровольно могу теперь только я.

Стёкла в кабинете дрогнули, и до меня донёсся звук далёкого взрыва, который невозможно спутать ни с чем. Пока не знаю, во что я невольно вляпался, и кого стоит опасаться, но вот то, что обгоревший остов автомобиля только что отсёк ниточку к некоторым ответам – совершенно точно.

И если работали «профи», вряд ли мы что-то раскопаем.

Глава 7

Я как раз успел позавтракать, когда Георг сообщил мне, что на территорию поместья въехал автомобиль.

А вот и представитель службы опеки пожаловал. На часах время близилось к полудню, и сколько чиновник задержится в поместье, мне было неизвестно, ровно, как и то, что он собрался здесь осматривать.

Естественно, мне было любопытно поприсутствовать, когда он будет задавать вопросы, но ради поддержания “легенды”, пришлось вновь изображать из себя тяжелобольного, с помощью помощника управляющего вернув бинты на давно зажившие руки, и улечься в кровать, успевшую мне опостылеть. Думаю, что ещё день-два и можно потихоньку начинать рушить реноме нелюдимого затворника, списав всё на действенную помощь наёмного целителя, совершившего настоящее чудо.

Шкатулку, немногочисленные записи барона и штар я благополучно оставил в сейфе, чтобы потом, когда все эти визиты закончатся, спокойно и без спешки её вскрыть. Туда же засунул и найденные пачки денег, которые Георг идентифицировал, как довольно крупную сумму, что показалось в тот момент довольно странным.

Наличие денег в комодке наводило только на одну единственную мысль, что в самое ближайшее время он Сворт собирался воспользоваться этой суммой. Вот только как? Отдать или что-то купить? Может заплатить за услуги или вернуть долг? На этот вопрос ответа я, увы, не знал. Так что, пусть пока лежат в более защищённом месте.

На, подобные моему, сейфы изготовители навешивали такие заклинания от проникновения, что немногие мастера искусства “уносить, всё что не приколочено гвоздями”, дерзнули бы забраться, чтобы попытать счастья. Сейфы, завязанные на родовую магию, были довольно дорогим удовольствием и их поставкой занималось только одно семейство: дворянский род он Ронаков. Семейный секрет, как я понял, и безоговорочная монополия.

Именно родовой перстень, который я так опрометчиво натянул на палец, и являлся ключом к сейфу.

Когда Константин увидел на моём пальце это украшение, эмоции, которые он продемонстрировал, колебались в широком спектре: от испуга до ошеломления. Я поинтересовался, чем это вызвано, но он замялся и предложил поговорить позже. И перед тем, как выйти, дал совет, которым я решил воспользоваться в силу своей неосведомлённости.

«Спрятать перстень, и никому его пока не показывать!», – так дословно звучал его совет, больше похожий на приказ.

Разумеется, я не мог пропустить это мимо своего внимания, взяв с Константина обещание всё рассказать, касательно этой загадочной темы.

Кстати, странного жезла я так и не нашёл. Закончив осмотр кабинета, так больше ничего стоящего или заслуживающего внимания также не обнаружил.

Сейчас, удобно развалившись в кровати, я листал принесённую Георгом книгу, заново восстанавливая навыки чтения, всю пользуясь теперь уже своей памятью. Чем руководствовался помощник управляющего, выбрав из обширной библиотеки «Издание книги по этикету», датированной 1751 годом, я мог только догадываться. Ещё бы выяснить, что именно произошло почти две тысячи лет назад, и что побудило этот мир начать летосчисление, отталкиваясь от этой даты?

А вообще, до сих пор чувствую себя немного странно и необычно с тем багажом знаний, который насильно впихнул мне в голову Норт он Сворт. Моё «Я» никуда не делось и, вопреки

опасениям, не начало растворяться в памяти Андера, вся память которого была «записана» на часть уже моего мозга.

Несколько раз ловил себя на мысли, что, когда очередная «папка с содержимым» раскрывается в голове, моментально нагружая мозг целым ворохом воспоминаний, ощущений и мельчайших подробностей жизни Андера, я замираю на несколько секунд полностью дезориентированный.

В такие моменты не понимаешь, кто ты: Андер – здесь, или Андрей Семёнович – там, но через мгновение информация полностью приживается, занимая «отведённые» ей места. Может это и выдумка мозга, но после каждого такого сеанса пятисекундного ступора мне становилось легче, а последующие воспоминания быстрее начинали укладываться в голову, хотя «укладываться» – это в корне неверно. До моего подселения они здесь и находились. Вот только, сколько это будет распаковываться, я не знал.

Меня не беспокоили около часа, а потом шум за дверью дал понять, что моё недолгое одиночество сейчас будет нарушено. Спокойно отложив раскрытую книгу на прикроватный столик, устроился поудобнее, готовясь принять визитёра.

* * *

– Здравствуй, отрок, – в комнату, не утруждая себя стуком, вошёл... священник.

Надеюсь, удивление не слишком отразилось на моём лице, так как я ожидал человека со службы опеки.

То, что это был священник, было ясно с первого взгляда. Несмотря на значительные различия в одеянии этого индивида с привычными мне, порода священнослужителей, независимо от вероисповедания, угадывалась сразу.

Тот же кроткий вид, сквозь который временами проглядывалась надменность и превосходство, те же успокаивающие интонации в хорошо поставленном голосе, коим владеет любой батюшка... Напоказ выставленный медальон на цепи из серебристого металла только подтверждал мои наблюдения.

– Благословите, святой отец, – выдавив из себя слабую улыбку, я склонил голову.

В этом мире к служителям Аарона было принято обращаться именно так, если ты простой человек, лишённый магических способностей. Какие отношения с верой в Аарона были у одарённых, я не знал.

– Оставьте нас, – властно произнёс он, обратившись к Георгу и Константину, на лицах которых было нешуточное беспокойство, что сразу настроило меня на серьёзный лад. Не знаю, кто этот дядя, но, если слуги всполошились – есть веские причины предполагать, что ко мне пожаловала серьёзная «шишка».

Когда моего лба коснулась рука, того, что последует дальше, я совсем не ожидал. Поначалу прохладная ладонь моментально стала ледяной. Мне стоило титанических усилий не отдёргнуть головы, поняв, что кроме холода никаких болевых ощущений я не чувствую. Пытка холодом продолжалась несколько секунд, а затем всё так же резко прекратилось.

– Благословляю, дитя, – хорошо поставленным голосом произнёс слуга Аарона, присев на краешек моей кровати. – Как ты себя чувствуешь?

– Уже намного лучше, святой отец. Спасибо.

Не знаю, в порядке ли вещей было исходящее от его рук еле уловимое сияние, но я поставился не подать виду, что вообще его вижу. Перед тем как ладони священника погасли, успел заметить ажурную вязь светящихся ниточек, которые бесследно растворились, когда он отнял руки. Данное магическое проявление абсолютно не походило на знак, которым он Сворт запечатывал мне способность разговаривать.

– Это хорошо, – кивнул он, не сводя с меня взгляда. – Я бы хотел с тобой побеседовать. Ты же не против, Андер?

– Да, конечно, святой отец, – произнёс я с лёгким беспокойством, которое и не думал скрывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.